

СКИТЪ
МАНЯВСКІЙ.

ПЪСНОТВОРЕНІЕ ЭПИЧЕСКОЕ
ОСНОВАНЕ НА ПОВѢСТЕХЪ ПРОСТОНАРО-
ДНЫХЪ РУССКИХЪ.

~~1374.~~
~~1516.~~ сочинене ~~359 5~~
~~34~~

Антошемъ Любичъ Могильницкимъ.

ЧАСТЬ I.

ВЪ ПЕРЕМЫШЛИ,
въ Книгопечатни соборной русской Капитулы.

1 8 5 2.

БЛАГОРОДНѢЙШОМУ ПОКРОВИТЕЛЕВИ

И ИСКРЕННѢЙШОМУ

ЗАСТУПНИКОВИ

ИМЕНИ РУССКОГО

съ глубочайшимъ почтеніемъ

посвящаетъ

Сочинитель.

ЕГО
ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ
ГОСПОДИНУ
Г Р П Г О Р І Ю
Я Х И Ш О В И Ч У,
РУССКОМУ ЕПИСКОПУ
ПЕРЕМЫСКОМУ, САМБОРСКОМУ И СЯНОЦКОМУ,
ВЕЛИКОДА ОРДЕНА БОСНАЦКОМУ,
ДОКТОРОВИ СВЯТОГО БОГОСЛОВІЯ И ЛЮБОМУДРІЯ,
*бывшому Профессорови и Ректорови почест-
ному Всеучилища Львовского, Управи-
тельски Семинаріи гр. к. и проч.*

СКИТЬ МАНЯВСКІЙ.

Сѣдон Бувальщины — мрачныхъ преподаній
Отгмонъ — въ простолюда повѣстехъ укритый:
Начеркъ дѣлъ, — курганами густо присыпанный,
Притемнѣлый подъ ржею звышь пяти столѣтій:
Путеводникъ въ померкши, — колнсь ясни свѣты
По довгдй мрачнѣи ночи — первый бряскъ пораній;
Зъ подъ згариць и розвалинь звѣстунъ выдѣбитій;
Будущины надѣиной, яснѣишихъ познаній!
Сія въ китицю сплетши, мовь первѣснокъ въ Маю,
Славѣ ТВОЕЙ, Свѣтлѣишій МУЖУ! посвящаю!

Помяники старины буквами счеркнени,
Котрыми вѣки славы такъ рѣсно бряцали:
Въ мурахъ крѣпкихъ городовъ, — въ Лаврахъ хоронени,
Скорше насъ, якъ просоѣе лестне, поирацали:
Батыя 1) тьмы гордѣ дикихъ, и Татарѣвъ тучи,
Скропивши дѣтей Руси кровію — загоны, —

Погасили жестоко благихъ свѣтель лучи,
 Покрыли свѣтъ пріятный грубыми заслоны:
 Въ Кіевѣ золотавомъ, — въ Галичи славимомъ
 Сокровище народне съ густымъ зникло дымомъ!

Умолкли и Боянѣвъ сладкострунни гусли,
 Що славовъ Отцѣвъ нашихъ грѣмко гомонѣли;
 Недолевъ розстроени, охрипли — потрусли, —
 Въ сумнеькій тоскъ, весели пѣсни измѣнили:
 Изгнани чужиною зъ Вельможей палаты,
 Сироты при Матери, — странни при Своинѣ
 Смирею въ крайномъ притулку, у сельской хаты
 Старинѣ згадку тоскливу — ховають до нынѣ,
 И якъ въ лѣсѣ, — подъ снѣгомъ бервѣнокъ зеленый,
 Хранять биссеръ народный ѡгъ вѣчныхъ забвеніи.

Когда ще зависть доли и предувѣдженій
 На имени и словѣ народномъ тяжила: 2)
 Придавляла первѣстки умственныхъ движеній
 Якъ корень зернѣ скѣлоченыхъ перемерзла брыла;
 Когда наши смиреьки, и невинни труды
 То блисли, — то темнѣли, — якъ звѣздка зъ за хмары:
 Здавали-сь Суностатамъ: — дики страхопуды,
 Повни цѣлей укрытыхъ, — и лестной привары; —
 Тогда-мь снайшолъ бодрственный щитъ ходотайцы
 Въ ТВОЕМЪ умѣ прозорномъ, и въ крѣпкой десници.

Котри-жь тогда корысти Духъ ТВОЙ убодряли
 Съ твердымъ — общимъ предсудомъ жестокою бороти?
 Чи подшенты Байрату? чи имперіалы?
 Мерзени плоды гдуздовъ, безчестной голоты! —
 Любовь ревна — собственныхъ далека предстрастій,
 Къ подвигамъ родолюбнымъ споясавши чресла:
 Щобы имя и слово родимое спасти,
 Щожь ТЕБѢ, крѣмъ упрекѣвъ горестныхъ, принесла?
 Да исчезнуть прокляти творцы сея ложи!
 Хтѣвши въ гудехъ згасити чувства пламень Божій.

Яко дымъ да исчезнуть! — яко воскъ стаяють!
 Враги, котри обмановъ лести и облуды
 Подвигамъ ТВОИМЪ вредницѣли подкладають,
 Хулеми умаляютъ общей пользы труды!
 Що-сь здѣлалъ въ ходотайствѣ при Австрійскомъ Фронѣ,
 Застуиниче! во пользу народныхъ движеній! —
 Яко ясна на русскомъ зоря небосклонѣ
 Не згаснетъ во вѣкъ вѣка Духъ ТВОЙ, и ТВОЙ Геній!
 Помяникъ въ сердцахъ правыхъ безсмертно жиюцій,
 Сплететь ТИ Муза русска вѣнецъ невянуцій!!

-
- 1) Батый вождь гордъ Монгольскихъ, о половинѣ 13го столѣтія южной Ру-
 си земли люто опустошившихъ.
 2) Въ лѣтахъ 1838, 1839 и 1840, коли подъ покровительствомъ Его Прео-
 священства, яко тогдашнего Ректора Сѣмиенища Львовского, получились-

VIII

во только свободы, — но удалось родимымъ словомъ ясно и торжественно проповѣсти, и гдешю напечатати. Зобачь: Вѣща Русскихъ, Часть II. такожъ: Прихѣтствованіа Его Преосвященству Киръ Василіи Поповичу, Емю Мушкетерскому, въ день востанженія на Едикловство 1838. и Его Царскому Высочеству Ери. Гер. Францъ Каролъ, во времъ присутствія въ Львовѣ 1839. кномъ сочинени и печатани.



I.

Ахъ недоле! шожь ся стало?
Где ся наши пѣсни дѣли,
Пѣсни золотыи!
Дуновъ русскихъ, чомъ такъ жало?
Ци на вѣки занѣшли
Красни дуи тыи?
Ци съ вѣтраи полетѣли?
Якъ подъ теиной хвары гушо
Соколь сизокрылый?
Ци съ вихраи пошуйѣли
Въ темни боры, — въ дику пушо
Тянь ся вѣчно скрши!
Ци якъ жовтый листъ явора,
Цвѣтъ зовялый на калинѣ
Геть съ водовъ поплыи?
И заплыи ажъ до моря,
И втопили у глубинѣ,
Гдежь ся пѣсни дѣли?
Ци якъ говонъ, — що гдесь въ лузѣ
Отаобьсть ся, — и сковае,
Перегомонѣли?
Ци якъ зоря въ крайнѣи смузѣ
Обозритъ ся, — и словае,
Гдежь ся дуи дѣли?
„О Русалкахъ — Красавицахъ
„Триехъ дѣвахъ — семь керницахъ,
О девяти зоряхъ!
„О Езерахъ, — о Дунаю,
„О Язьовъ далекомъ краю,
„И о синихъ моряхъ!
„О Буинку соудивомъ
„О твердомъ Мадеа ложи,
„О Княгини бѣгнѣи!
„О залятомъ Орѣ сивомъ,
„О каплющей слезы — рожи
Гдежь ся дуи дѣли?

„О Богданъ, — и Нечаю,
„О Небабъ — и Лободъ,
„Зъ Ниминова Савъ;
„О старомъ Отцевъ звычайю,
„Золотыхъ времянь свободъ,
„О Козачой славъ!

Не пытаймо, — щоб' свѣтлицъ,
Щоб' доборни вечерницъ
Щось о нихъ повѣли!
Тамъ чужинась присвола,
Все родиме придавила!
Гдежъ ся дуимъ дѣли?

Ахъ гадалбысь: тыи дуимъ,
Пѣсни тоски, — и тревоги,
Любошей — надѣи;
Переживши лютость джуми,
Мечей Крымскихъ, — и пожоги
И дибы тяжки!

Скоротивши зановъ стаѣ
И наставниковъ нагаѣ,
Утискъ и недолю;
Усмиривши гордость братей,
Застарѣлый ладъ проклятый,
И твердо неволю;

Нивъ! — глебы лишъ думати,
Чувствовати, — и спѣвати
Ревно и по своему:
Вянуть, — тихнуть, — и дрижають
Въ шавый гомонъ заиѣмають
Въ своѣмъ родномъ дому.

Съ Боянами, — що спѣвали,
Съ горбамами, що гравали
Пѣсни дуимъ ишли,
Мовъ дѣтаи похилени,
Спочивають привалени.
Гдесъ въ сумийй яогигъ!

II.

На могилъ, — на зеленѣй
 Зауленька сива сѣла,
 Закувала пѣснь вселеннѣй,
 И свѣтами полетѣла;

Але нута тои пѣсни
 Сумно ревно, — и глубока,
 Що за серце тосковъ тисне
 Вылуджае слезы зъ ока;

Скрось могилы темни стѣны,
 Ажъ на дно ся геть пробила:
 Тѣнь покойну, Творца пѣний
 Бандуристы пробудила:

И поднесъ ся — сталь на ноги,
 Повель окомъ до окоза;
 Зъ грудей тоску и тревоги
 Вытхнулъ слово изъ провола:

„Краѣ тѣни опускаю, —
 „Чей загадку вамъ розвяжу:
 „Где суть думы — пѣсни? — скажу!
 „И васъ скоро попрощаю;
 „Бо въ живыхъ миѣ скучно краю —
 „И о пята въ могилѣ ляжу!

„Повстань гусле! зъ темной трумны,
 Гдесъ со мною спочивала!
 „Настрой снова сребрни струны,
 „Щось неразъ при свѣтлѣ луны,
 „Пѣснякъ — думамъ второвада,
 „Любвѣ, — славѣ — тоскамъ града!

„И тронуть пальцами свѣло,
 „Сребрни струны, — що го знали,
 „А ихъ звуки съ словомъ мило,
 Въ складный гаморъ ся зозлали,
 И зачали пѣснь спѣвати
 Якъ ей шпѣ не чувати:

Почтенный Читатель!

Въ пбдѣ шлягару долговременного лишенія, забвенія, розстроенія и запусѣвнія, выдобувае ся нымѣ пробуджена словесности русска, шакѣ шаженько и поволу; якѣ зѣ пбдѣ заморози и снѣгу первый расѣшъ весняный, коцрого шо хотяй облесити лучи полудневного сонця хвилями до жишя пробуждають, — однакожь доубкающій пошягѣ сѣверного вѣшра, и докучливи приморозки снова валяють и часшо приголомиають. Кшо довольно свѣдольный всѣхъ шыхъ неирязненыхъ намѣ обстоятельство, кшо знае ближше, безѣ предувѣдженія и предострашя, сошюкнѣ и долю мужей оного чина, шо нымѣ шбѣй новоуправляемой грядочѣ отечественнѣй, знашнѣвшихъ дѣлашелей, шому зѣ, грузей и розвалинѣ двигающому ся Храмови словесности народной, ревнѣвшихъ служителей опредѣляе; — шому не буде дивно, шо речинець оголошеного сего дѣла шакѣ далеко, — даже вѣ другу пбзну зиму загналь ся! Но иршаймиѣе, Богу благодареніе, шо пбдѣя словѣ нашей ири-

повѣдки, хоть: „Що ся проволокло, — не утєкло,“; а такъ хотѣя не одному зъ Всечестныхъ Преддлинителей различни солнѣванія гадки пересувались, — чей насъ несхотѣишь посудити, що искушаючи силы наши въ поезіи родилій, чимъ борше хващалисьмо ся оного присловія: „Поешамъ всею свободно! — а такъ може и минути ся съ правдою, и не додержати данного слова и установленного речинця! Ахъ нѣ! воистинну! бѣльшу важкѣсть чувствуемо при шѣлѣ словъ ового Рыллянина: „*Adsint Maecenates, non deerunt Flacce Marones!*“ що по нашому, майже такъ бы звучало:

„Кобы намъ хлѣбъ насущный легши дневни прашы!
„Сталбы ся не одень зъ насъ Вѣргиль и Гораций.

Однакожь и сію перешону хладнокровною постоянностію перебѣровим, передаю Всечест. Обществу русскому, первый сей илодъ уместивный бѣльшого обдема, сдѣшамъ смиреннымъ прошеніемъ, щобысьте якіштубудь погрѣшности и отишки брашною любовію исправиши, и онымъ перебачши благоволили: зацо чимъ далѣй речнѣишиамъ и шочнѣишиамъ шрудолубіемъ уяныамъ поблагодарити не залишу; строгою бо кришкою моглибысьте первѣстни движенія наши якъ весняну росылину шугамъ морозомъ прѣдавити! Чувствую и я шое, що намъ до совет

шенности еще такъ далеко, якъ далеко пра-
вици, добывающей ся зъ землѣ лона до шопиоры,
щобы зъ нею тяжкій, повный колосъ къ земли
принался! Но ктожь зъ насъ виноватъ, що
намъ до недавна гѣрка судьба, до храма роди-
моу словесности вороша зачинивши, майже со
всеми вхѣдъ перешняла? Пѣсношвореніе „Скишѣ
Манявскій“ основанъ естъ на повѣсшехъ, якіи
по делухаши придарыло ми ся зъ устѣ нашего про-
стого народа сельсого, лежи копырми лѣта мои
дѣшныи въ собѣдствѣ шогожь Скиша прожилъ-
ель. Якимъ образомъ нарѣдъ нашъ, преподанія
бувальщины переходуе, якъ ихъ передае пошом-
ности, якъ чувствуе и думае, якъ знашнѣиши
случаи природы и дѣланій челоѣческихъ по-
нимае, шое сохраниши, и вѣрно опдаши, было
и естъ моимъ искреннѣишимъ желаніемъ; про
шое, о сколько возможно, и правиламъ доброго
вкуса несопротивно, старалѣмъ ся, не опдаля-
тись бытъ нарѣчія простонародного, яке въ цѣ-
лой восшочной Галичкѣ во обще употребляе
ся: а где конечно пришадало задержати такъ
зовилымъ Повѣшовщины: н. и. слова чистю гѣр-
ски, гуцульски, — шимъ въ примѣчаніяхъ по возмо-
жности изясниши не залишаю. — Зѣ дороговѣн-
ноу намъ Старословеньщины Церковноу, копра
либъ вирочемъ не естъ чужая, употребляю
шолько шимъ слова, копри часно и въ устахъ
народа сушь обыкновенни и зрозумѣли, хоротно

до Союзна народнаго въ Ашенахъ, до куацей Коринтскихъ, рыбаей Салямійскихъ або пастырей Аркадскихъ, былобы прецѣль дивоглядомъ! Словъ и выговора высокороссійскихъ совсемъ охороняю ся, бо пишу для читателей Малорусскихъ! а слыбымъ, якъ гденекошри зъ нашихъ, и шо непослѣдни писателіе шворятъ, хтѣлъ прилѣшати слова твердороссійскіи н. пр. какъ, это, подлинникъ, нѣ жный и ш. под. муслѣбымъ до моего Поемашу прилучиши такожь Грам.нашику и Словарь Россійскій; а такъ хтѣвши любилымъ родимцямъ подати кусокъ штогомого свойскаго хлѣбця, муслѣбымъ имъ на передъ пишучи зубы вставляти, бо шбенъ, до кошри зрозумѣнія принуждени былибы Русины Галицкіи въ Словаряхъ Шмѣдша и инныхъ провѣдника глѣдѣши, ци былажбы шо шбенъ наша? Воистинну! отлѣны, якіи здѣлали на языкѣ Россійскѣмъ въ печеніи времени, окружающія го нарѣчія: фінское, чудское, ташарское и инш, чинятъ штогожь нарѣчію Малорусскому такъ далекимъ, якъ далеко отстоятъ Уралъ отъ Бескида.

Подобножь и ошъ Польонизмовъ хорошиши ся было завсегда моимъ искреннѣйшимъ желаніемъ. Но кшожь зъ насъ пережившій лѣша дѣшкни и младенчески въ нисшихъ и высшихъ наукахъ подъ переважнымъ вліяніемъ Ляховщины, може нынѣ изкорениши до разу навикненія

лѣшд многѣхъ? кто осмѣлившій ся подъ сягарельнѣ сторцоулѣ надающѣхъ лучей солнечныхъ з.можешд до разу поблѣши? И кошрый крѣшкѣ уирекающій намд Полонизмы мѣло олѣ межи русске слово вкрадѣи ся, поважитд ся вже нынѣ, чисшылд себе именуя вернуши на насд камень осужденія? — Воистинну! Ошпошеніе Руссиновд къ Полцилѣ снаходшд въ Псторіи Народа Израильского вѣрный образецъ и прилѣрд прилѣчный.; Агазд Царь Юдскій живущій въ шяжкѣи враждѣ съ Аразолд Царелд Сирійскилд зѣ Дамашка, поклонялѣ ся и жершвовалѣ Идолалд Сирійскилд; а поблѣженд и угнѣшенд ошд шыаже Сиріановд, поклонялѣ ся Идолалд Ассирійскилд; щобд только не единому правому Богу Ошцѣвѣ своихъ! кошрого пресвѣшлый Храмлѣ въ Иерусалимѣ сѣиогордою розказалѣ залкнущи! Ци не подобнажъ была е.му до недавна больша частъ Руссиновд? ци неидобнижъ сушъ ирѣмноги ще и нынѣ, що шо сѣ усерднылд милваніемд готови и здобни учши ся кождого иного языка, кобд лишь не родимого своего! а ошд кого наибольше угнѣшенія зазнали, того языколд ирловляши лубуюшд, и шѣлд ся величаюшд. —

Правовиен шри.наю ся по возможности толлка у нашихъ шепервшихъ, середнои улѣркованои дороги держацихъ ся шисашелей, побольшои части естѣ цюшребляема и розширени.

Не оыстуную яко Идѣота и Перестроишель
 (Reformator) съ новыми колѣсѣлами Граждан-
 шими и правосици, якигѣ вже въ мингѣ ча-
 сѣгѣ такѣ людо черезѣ зрѣлицѣ переимнуло,
 и слѣду въ собѣ не минимши, но такожь, яко
 челоуѣкъ пользующій ся шипокомъ либнѣи.мъ и
 пересѣденіемъ, не могу челоуѣкъ низко бити
 передѣ укланн гденекотригѣ Диктаторовѣ
 Гражданскимъ, и Геробѣд азбучнымъ, що
 кинѣсь талѣ свои стѣиднѣя, або що гѣрте!
 присвоени перелицовыми спадцими, славою и
 имене.мъ давно вже увѣковѣчимъ ся висае.лей,
 нимъ.мъ яко неопровержимый законѣ, и зерка.ю
 неопитности наклонути силують ся, не гонящигѣ
 покорити ся Силоука.ми произволюгѣ, — а въ
 Гражданшкѣгѣ своихѣ часѣхѣ густо измѣе.мыгѣ
 густыми противорѣчїями, шипо.ку будѣ.ю,
 дѣло рукѣ своихѣ розвѣляютѣ. Бѣщн ся яко
 Мшарѣ въ груди исповѣдало ся сокрущеннымъ
 сердце.мъ, шо и я силуюгѣ! бо уагѣ.мъ ся ру-
 шити въ шгѣгѣ часѣгѣ, кати не бу.ло, гдѣ, отѣ кого, и
 зѣ чѣго! про шоє сѣ.мъ совѣ.мъ трудолюбіемъ и шпѣ-
 ностію! горджу сѣ шпѣ.мъ краснѣ.мъ и мене.мъ,
 и освѣ.мъ честнѣ.мъ и трудолюбивѣ.мъ братіямъ
 Силоука.мъ братнѣѣ ѣ.мѣ.мѣ пересилаю; но о
 толѣмъ ширѣ и подробно при слѣдующигѣ ча-
 стегѣ сего дѣла побесѣдовати гадаю; а шпѣ.мъ
 часѣ.мъ гѣчу съ шпѣ.ми смиренно.мыслящн.ми
 ждши, ажъ кѣнѣсь чѣй зѣ поврѣщѣстей и о-

тибокъ нашихъ, ели ипсати не залишило, въ-
ключишь ся правда, а на ей подставъ дасишь ея
сочиниши совершенна Грам.лашика, и образцети
правила правоисел малорусскои.

Що касаешъ ся содержанія внушрнего, же-
ланіемъ моимъ было начеркнути хотьвнушній
образецъ Поезіи народнои, бо поезія есишь нераз-
лучимымъ свойствомъ народа малорусского, и
майже неощущающа товаришка прешоло-
дина во всякихъ отлѣнахъ доли и хвалягъ
жшійя, отъ колыски ажъ до гроба; и перебивае
ся въ пѣсняхъ, повѣстехъ, казкахъ, приговѣд-
кахъ и обрядахъ при розличныхъ случаяхъ ро-
динныхъ и товаришескихъ, радостныхъ и су-
мныхъ, якъ шая легонька плавина, кошру хо-
шлій балваны иливущу часто подъ воду куря-
юшъ, однакожъ отъ воды легшиа, ушонуши не
може! Але отрасли шои Поезіи народнои
порозкидани сямъ и шамъ, якъ благовонни са-
мородни цвѣты по.нежи буряны, хабшча и шер-
ня по буйныхъ русскихъ пивахъ, и якъ золошо
або шти дорогоцѣныи крушцы часто съ грузетъ
слѣшани, ожидаюшъ шрудолюбивои и виравнои
руки, кошрабы ихъ въ красну кѣшцу посбера-
ши, связати, зъ шерня и грузи очисшши и въ
цѣшущемъ зѣлшску родимомъ илекати у.мѣ.м.
Колись шо, по давно вже дуже, илѣла Русь
славущина, своихъ народныхъ Пѣвцей, Болновѣ.
Бандуршшовъ и Гуслярей, кошру на подобіе

Трубадуровъ Провенсальскихъ, або Нѣмецкихъ Minnesänger, пушъшествоючи зъ хаты до хаты по мѣстамъ и селахъ, сиввали славу рыцарей, любви молодѣвъ и дѣвицъ, и всякіи знашнѣншіи случаи, въ природѣ, або межи народомъ приключившіи ся; и вси шія, думы, повѣсти и казки, выголошали роднымъ чистымъ словомъ русскимъ, а шакъ поезія, башъ языка нашернаго неслучаема, были первою подвальною и коренемъ словесности и народности русской! — Вбра Хриштова по обряду восточному заведеши Богослуженіе народномъ языкомъ, шолько шія мѣншія первобытнаго язычества истребила, коши правила и догматы явно сопрошвляли ся; а обряды и шьтже касающія ся и вси и повѣсти, — чистому Вбры менше мушящія, народомъ лишила; зъ шого Поезія народна новій и шо значительный возрастъ приобрѣла, бо зъ гденекошрыхъ преоданій христіанскихъ ушворили вѣщны и басношворцы народни, шакъ зовимыя Легенды, ед кошрыхъ гденецо зъ вбры со снадцѣною язычества слѣшали, и зъ шого едну цѣлость ушворили. Въ шой послѣдній ошрасли, народъ рускій яко повсегда религійный бѣльше надъ шимъ собблюе, а шимъ шо барвы ешь шакожъ нынѣшне ивѣношвореніе „Скишъ Манявскій.“

Прекрасный Храмы словесности вообще, а шолнено Поезіи народной, колись межи Русинами въ полнош и едноразнош...

въ теченіи времени почалъ надѣвши и упадши,
такъ, що нынѣ майже лишь яко въ згарщахъ
и розвалинахъ чимъ колісь былъ, сумно посовд-
чае; бо кромѣ немногихъ поминиковъ писан-
ными начертаныхъ, кромѣ милого доль кие-
ной загадки о нихъ въ гденекоторыхъ Лаврентіяхъ
нынѣ майже исключно зъ свѣдѣхъ иа машовъ
вельможей и по части зъ свѣдѣницъ серединой вер-
шины вышерна, шдѣко шдѣ низковъ селеннхъ
сирѣховъ, послѣдній спайшла иринулокъ! Не-
ирізненнїя влїнїя вишнїя, и ирчиннхъ вы-
шрени шого сумного ироншесствїя высѣдннхъ
и доволно освѣщеннхъ, буде заднечю розговорѣхъ
при часнхъ слѣдующихъ сего дѣла. — Хра-
мой неможе до днннхъ слѣднхъ шнхъ о-
бразомъ движущнхъ ся, якъ шдѣко слн, шорозки-
дани часнхъ шнхъ згарщхъ и розвалнхъ шсве-
рати, и шобы былъ шакїй, якъ шервой, зъ шн-
кого самого матерїалу и шнхъ самымъ иску-
снвомъ сводннхъ, — будовннхъ и шнрошнхъ не за-
мнннхъ! — Явнїй про шое доказъ, шо каждо-
го любншеля роднннхъ словесннхъ, коирїй въ
собѣ дарованїя до сего кмѣшче, свншнннхъ
еснхъ званїемъ, шервннхъ шдвалннхъ начертаннхъ.
го въ будующнхъ Храма словесннхъ народннхъ
шнгрѣбанїемъ, шберанїемъ, и шлеканїемъ Поезннхъ
народннхъ, закладаннхъ; бо безъ шнхъ крѣпнхъ,
роднннхъ шдвалннхъ, — шѣла будовля — шн-
шннхъ, мусѣлабы ся колншннхъ, — и шередъ шн-
сомъ шншнхъ! — Покъ шншнннхъ нашнхъ, шле. меннхъ

Славенски, пробудивши ся зъ шзердого, сту лю-
 гугдъ столабшій до нового жытя у мншвенного шыль
 а не шыль живовшши, и розвалывшій ся Храмы
 словесности народнои, на ново спироши розио-
 чинали; — а що штою дорогою вь вьлькыхъ де-
 сяшкахъ льшдъ зайшли дуже далеко, — а насъ
 засоромленыхъ зъ заду мшшлы, — есть шо
 голосно знагомю и насъ очевидно поумяуюшою
 правдою, — и усердною пересторогою, чтобы и мы
 наше величественне предиринлше зъ башахъ
 розиочинали! Принужденн шмо шерикую правду
 соббъ сказати, щосьмо вь шблмъ званію доси не
 далеко посшущали; що однакомъ не шбшй причи-
 нь, якобысьмо вьжкбсть его зашбзнавали, або
 шой биссерь народной низько цбшлы, але по
 ббльшой части обстолятельствамъ нешрїазнен-
 ыль завдячши годншъ ся! Зъ шмежи досишь
 численыхъ швасшелей нашихъ, дарованіямы
 Поезїи знакэмштыхъ, и доси гденекошрымы со-
 шненіямы шля свое Руси обявившыхъ, многи
 на шое бездорожье слшбшшлы, що вь русски сло-
 ва, и вь шшучшый, вышозоленьшй и шргладже-
 ный шшухъ, чужш чувшва, чужш образы, подо-
 бїя, соравненїя и шшшоввдкш шрїодвїш, и шое
 шбдмешча русскою шоезією шрзвали, що шакъ
 съ правдою згаджае ся, якъ шлшбысьмо чорного
 мурина, або мвдїюшш лиця баровы Американку,
 вь швракъ, шшанчу, — перемвїшкш и сукманш
 шрїбрали, межш Руссшвбв залвїшали, а шшблмъ
 шшблш шшшшго мшстшбвшшш шш шш шш

Руссины родими! — Ити до повижити гь непре-
 личностейи ще и шую додали, що чуже лице
 въ не свои шапы приодѣли, — чужи гадки и
 чувства, словами зъ словарѣвъ немалорускии
 выгребаными, народови цѣлкоиъ незнакомыми,
 выголошени, — швердыми дыбали Прозодии поль-
 скои, нѣмецкои або высокороссійскои спутали,
 и той плодъ рабского наслѣдованія, дѣтином
 свободного и чувствительного ума малорусского
 именовати несоромлюющъ ся! якъ видило при-
 мѣръ въ якійсь шамѣ Грамматицѣ, недавно
 Руссиамѣ накинениѣй, где правила Прозодии зъ
 лашиньского и нѣмецкого Сатиля живцемѣ при-
 своени, и уламки сати хотвореній Поешовѣ шпат-
 скии гь и салоновыи гь заграничныи гь, Вѣстиамѣ ма-
 лорусскии гь яко единственныи наслѣдованія до-
 стоини образецѣ напругающѣ ся — Якъ иерещъ
 индѣйскѣй або рижѣ италѣйскѣй всѣянный и въ
 найбуйнѣйшу Галицку ниву, непрозябне, не до-
 зрѣе, не погудуе и не збогатиши зе.мледѣ-
 ца русского; — такъ подобни плоды Поезии не
 займути умѣ и не розгрѣюти чувствомѣ грудѣ
 Руссина, хита що на нихѣ, якъ на гладонки,
 але безживотни фѣгуры гипсови обояшино и г.м.
 днокровно поглядати буде! И нащо жѣ, якъ мо-
 витѣ наша приповѣдка „До керницѣ воду ляти?“
 На що налѣ чужого, коли въ народѣ нашѣмѣ
 снаходило такъ богати засобы материалѣвъ до
 прекрасныи гь Поезий народныи гь? — Познали шов

хоть по части еденекошри зѣнашихѣ, свѣшу ма-
ло ще знами, но правому сердцю русскому до-
роги и мена: на пр. пок.: Маркіана Ш. — Николы зѣ
Ник: Далъбора В. сочинителя „Жулина и Га-
лины, Мадея, и под. — Якова Г. сочинителя
Наддѣвсранки и под. Р. М. шворца „Справы
Клекошицкой и нини, кошри въ своя не мно-
гѣя, но ревныя пѣсношворенїя, чистому мало-
русского языка, и чувство русскои души переля-
ли! Поклѣвшубали богатство шого сокровища на-
родного и цобранимцы наци, Поляки; а незаб-
венный въ полянникахѣ словесности русскои,
Вацлавъ зѣ Олеска, звернухѣ первый общее вни-
маніе на шоежѣ, — собраніемъ ивсней салцко
русского народа. Сулиный шю, воисшину! до-
казъ дрѣлошны у.мнои межи Русинами, що пер-
вый шюи возбудишѣ до жишїя словесного хощаи
на земли русской не Русиноид именовалъ ся, а
ще сумнѣишїй, що въ шыхѣ салмахѣ временахѣ
еденекошри зѣ просвѣщеныхѣ Русиновѣ, зане-
лавити цѣлкомъ свою, — въ словесности, а имен-
но въ Поэзи польской отличїя глѣдѣли! Позна-
ли богатство шого сокровища народно русского
и нини писашемъ польски, но съ великимъ оскор-
бленіемъ шогоже: бо коли полянушый собира-
тель Вацлавъ зѣ Олеска ивснѣ русски въ шхѣ
ишюмой одежи: въ языцѣ русскоид оидалѣ,
и илѣ цѣну и иля русское призналѣ; — шюи
нашо.иствѣ яко: Зорїанд Ходакоскїй, Войцѣвикїй

ченія подкрѣпляють тое, що у всѣхъ народѣвъ,
 оидъ найславнѣйшійхъ временъ, поезія была пер-
 вѣйшимъ и обласненіємъ житія уластивимомъ. Свар-
 ми сунъ и всениповренія поетическія Гомера,
 Гезіода и Орфея оидъ прозы Геродота, Туцидѣ-
 ша, Аристотеля и инш у Грековъ; первая П-
 шторія Римска Книія минетна была стихами;
 а минт побратимцы Ноліаки докѣль илѣ писа-
 шемъ старымъ класиковъ рабско наслѣдовамъ,
 дини сибѣго можна повѣсти, народнои слово-
 сности не мали, бо мазольни и високоучети шы-
 же п.мды у.мны, шѣльво вышнѣмъ училищамъ,
 и мѣдѣмъ вышного сословія и просвѣщенія были
 присущини и зрозу.мб.м; а цѣ.м.м.у за.м.м.о.м.и на-
 рода были чужими и неривыми! Ажъ якъ по-
 адѣннѣмъ илѣ писателю сокромнѣ поезіи наро-
 днымъ доснойно оцѣбити, кабакки благовонѣдѣ-
 ши и критичи зѣ неи выберати, и свои.мъ тал.м.
 шамъ, искусствамъ и дошешностію, то вѣ по-
 диччи книжцѣ, то вѣ общій вѣнокъ апѣшати
 почали, оидъ тогда у нилѣ словесность и про-
 свѣщеніе народне скорѣйшимъ тажамъ поступа-
 ти почало. Що однакожъ до свои.мъ перавѣшожд
 народнымъ пребѣлито русскимъ при.мѣшамъ и при-
 скомъ, о шѣмъ вже выше речено, и при шѣмъ
 стал.м.м.уши не.м.м.а ринѣ шой у.м.м.т.м.м.ый при.мѣрѣ
 Лажки польскои: що, коли илѣ пошты сочинені-
 емъ думъ зѣ житія народно-русского присвоє-
 нымъ, вѣнецѣ ерем.м.м.щій славы вѣ народѣ поль-

скб.мѣ собѣ пріобрѣлъ; инни ихѣ писашемъ, якъ тамѣ якийсь зѣ найновѣйшихѣ въ розговорахѣ съ ихѣ, о народѣ малорусско-мѣ, лица дѣлающія Героветъ шыгѣ думѣ бунтовниками и рѣзунми прозивати не соролѣють ся.

Сія заглавѣ о важности, цѣнѣ и неслѣдливої потреби плеканія поезіи народнои! О рѣчливыхѣ отряслахѣ шовжѣ, о свойствахѣ каждой зѣ нихѣ, и о влѣянніи на умственное и нравственное житіе народа русскаго, бѣжладою розговори ширши и шочивѣши до слѣдующихѣ часей! Далекій есмѣ бѣтѣ того честолюбнаго мѣлнїя, якобымѣ хотѣлѣ нынѣшному моему сочиненію поетическому, який нибудь степень удачности признаши, або тое комусь за образѣ наслѣдованія нашручати! Знаю я ажѣ надто добре, що, і кбѣлько намѣ ще недостаетъ, але, заложивши руки ждати, доки щось совершеннаго, классическаго не появитѣ ся межи нами, былыми смѣшнымѣ, — ба и безумнымѣ: бо где же на матеріалу зѣ грубои шрѣски обшесанаго, тамѣ не буде що сосшругомѣ на гладко спругани! и сподѣю ся, и любви кѣи Родимци, почтеніи Читателіе сего вѣснотворенія, маючи на взглядѣ, мовѣ дѣшмакчій вѣкѣ нашои словесности шеперѣшної, съчувствѣ погодати, що: „Кождый почашокѣ ест шажкѣи“ — и ширую волю за сѣное дѣло шми часомѣ приняши! Оамѣ шого то благосклонно примѣши, шоганна до дальшихѣ предирѣдѣ

ВВЕДЕНІЕ.

Кому жъ не знала Подгѣрська краина? 1)
Где по надъ ровень Бескидъ ся соннае:
Где крута Клява и Попада сна 2)
Зъ боковъ порана двѣ рѣчки пускае?
Двѣ рѣчки твисты — блески ихъ сестрыцѣ —
Дно мають срібрне, — кришталеви лицѣ,
Зъ матери зона тымъ борше вѣткають,
По обалоняхъ, — по лугахъ гуляють;
Потоки слухени въ одну: двѣ Быстрыцѣ 3)
Съ Днѣстромъ сивельникъ сердечно-сь стискають. —

Кому жъ незнана Мавля 4) долна?
Красовъ удачновъ здѣсна оуть природы:
Где зъ скаль шумачи, — стрѣлко летуть воды,
Ватажковъ пѣсьми звинить полонина.

Кому жъ незваный надъ Мавляви 5) струесь
Болдуръ, що сумно въ долині стремить?
Що всѣхъ дивуе, — забить стадокъ своесь,
Ще зъ межъ свалиць знакомный Скитъ? 6)

Що то за муры, тесани зъ олови,
Где въ пѣль зѣдница, и башта цѣла?
Где штука, — рѣчки муромъ смерти божи
Каменнымъ мостомъ до купы свела! —
А решта въ грузахъ! — Келли. — пивницы
Густо гадючій вырѣвають плѣдь!
Безъ дѣонъ, дверей — безъ стрѣхи свѣтлицы,
Зъ Божого мѣстца мхомъ зарослый слѣдь! —
Зъ межи нихъ густо бурянь вырастає,
Гдеколись сумно пугачь загуде;
Нѣбы ся мертвыхъ розвадиль пытає:
„Чи ты вже давнє житье не буде?“
Щось подорожний думає гаубоко,
Смерть ся на свалищъ примшеный порѣгъ,
Влѣнилъ цѣкавый въ мертви грузы око,
Чейбы ся зъ нихъ що довѣдати мѣгъ!
Але! — на дармо! камень не промовить;
Грузы не скажутъ улынувшихъ лѣтъ!
А думка давнє житье чи ътновить,
Сли стерта надись на пристѣнкахъ зъ плать?
Потѣкъ срѣберный, що муры подоче,
Щось гомонить и мерчить къ берегамъ,
Але намъ правду сказати не хоче,
Сумный лишає округъ мурѣвъ самъ!
Сосны, смереки, — буки и ялицы
Ведуть шумлицій съ вѣтромъ розговоръ;
Але слова ихъ, таниннє небылицы, —
Не освѣтлятъ намъ въ тмѣ занерний дворъ!
То вжежь на вѣки, се величнє дѣло,
Маєть покрити непрозрѣнна тма?
То вже на вѣки въ сумрацѣ ся скрыло,

И слезнымъ окомъ до кола повѣлъ ;
А въ томъ подъ гущевъ въ зеленой лѣщинѣ
Схилену - мь постать челоуѣка взрѣлъ. —
Веремя було погодие и мило :
Гейбы позлѣтковъ небо прикрасилъ,
Солнце съ звольна къ вечеру хилило ,
Сумракъ зъ долины горѣсь подносилъ !
Липъ горбовъ щиты ще ся румянѣли,
Гомонъ по лѣсѣ сумно - съ розлигалъ ;
Бо птички въ гнѣзда съ пѣсеньковъ летѣли ,
Съ думковъ въ кошару скѣтъ ватагъ зганялъ ! —
Сближусь — съ поклономъ старца повитаю ; —
— Красно ѡтрекши , голову схилилъ :
Зъ лица и зъ ока щирость му читаю ,
И милость правды зъ простодушныхъ словъ. —
Старость глубока къ земли го схилила ,
Костуръ зовяли кости подширалъ :
Рѣдовкій волосъ снѣгомъ побѣлила , —
Що рече слово — тижко ѡдыхалъ.

РОЗМОВА СЪ СТАРЦЕМЪ.

- „Скажѣтъ ми Отче, где Ваша хатина ?
„Що Васъ подъ вечеръ сюда привело ?
„Где Вашъ пребытокъ, где Ваша родина,
„Чи сеси пустка, — чи блиске село ?
„Скажѣтъ старекій, — можесьте свѣдоми,
„Кто сеси муры крѣико збудовалъ ?
„Кто въ тыхъ свѣтлицяхъ, въ томъ каменнѣмъ домѣ,
„Кто, — коли, доколь, — мирно перебувалъ ?
„Скажѣтъ сивекій, — слибы сте умѣли,
„Кто сеси муры люто розвалилъ ?
„Где ся тутейши жители подѣли,
„Кто васъ привело въ хату, —

„Чи страшный перуиъ зъ злобрешенной хмары
 „Громовымъ жаромъ хутко спешедилъ?
 „Чи горди Турки, — чи дики Татары, —
 „Чи котрый ворогъ все то погубилъ?
 „Чи джума стила, — чи Крымска неволя
 „Загнала газдовъ въ тиженькй яссиръ?
 „Чи Добушешыхъ легкнбвъ сваволи,
 „Чи може дикй ихъ розшарпалъ аифъ?
 „Може стрясли си землѣ подвалины,
 „И такъ каменный муръ си сколисалъ?
 „Скажѣтъ любешкй, зъ якои причины
 „Все си то стало, — щобымъ си дозналъ!
 Бо въ жадныхъ письмахъ, аифъ въ жадной книзѣ
 „Споминки — мѣ наветь о томъ не знайшолъ;
 „Щосьте гдѣ чули тутъ къ сосѣднбмъ близѣ,
 „Скажѣтъ! щобымъ съ нѣчѣмъ не ѳтишолъ!”

* * *

„Гостеньку милый! — Нѣмъ сказати зможу,
 „Сидѣю си побѣчь на мнѣкй облѣгъ!
 „Най слаби кости на спочинокъ сложу,
 „Бо — мѣ сюда идучи дуже изнемогъ!
 „Зѣ бесѣды виджу, — щось честна дѣтина,
 „Человѣкъ насыйкй, — правый Крестянинъ,
 „Хоть хребеть крѣ лицка жуванина,
 „Мусишь ты быти правый русскй сынъ!
 „Отжежъ ти скажу, що самъ добре знаю, —
 „Щомъ чулъ тутъ бувши — гошй молодець; —
 „Бо ще въ Псалтырѣ начеркнешый маю
 „Скита початокъ, возрастъ и конецъ. —
 „Чи видишь онде надъ берегомъ хатку,
 „Що бѣкъ св въ землю низко похизилъ?

„Дѣточки мал-емъ и люблю дружицу,
 „Але ихъ Господь давно вже забралъ; —
 „Мене лишили, якъ въ поли былину,
 „Щобымъ ще больше нужды тутъ знала!
 „Туй, туй девятый десятокъ минае
 „Життя моего услынувшихъ дѣть;
 „Ахъ! не одна ми бѣда докучав,
 „Вже ми ся сириврилъ сей нужденный свѣтъ!
 „Жію самъ на самъ зъ давного доробку,
 „Що-мъ за молоднихъ дѣть собѣ аложилъ:
 „Доки-мъ малъ гроши, — газдѣвство, — худѣску,
 „И Церквѣ Божой много дѣть служилъ!
 „Тенерь-емъ выдѣлъ поволоки зъ хаты,
 „И проволѣкъ ся вдовжъ цѣтущихъ нивъ; —
 „Зайшовъ у гуцу хворосту вабирати,
 „Щобымъ на вечеръ трохи протопилъ!
 „Але для тебе посвяащу годину,
 „И все, якъ було, вѣрно розповѣмъ; —
 „Слухай съ увагою! а якъ я загину, —
 „На вѣчну память — скажи радый всѣмъ!

ОПИСЬ СКИТА ЗЪ УСТЬ СТАРЦЯ.

„Дѣта дѣтинни! ще-мъ насалъ ягилта,
 „Но лукахъ, — нивахъ — по пѣдъ темный бѣръ;
 „Якъ, що Педѣлѣ, и кожного Свита
 „Ходил-емъ съ батькомъ въ блжкнн Монастырь!
 „Во тамъ прекрасна бувала ѳтирана,
 „Черцевъ — и міра зъ дали, безъ числа,
 „Черезъ що Скита громогласна слава,
 „Повздовжъ и въ ширь ся свѣтомъ рознесла!
 „Же-мъ булъ цѣкавшій до книжки, — якъ други, —
 „Гожій зъ уроды, — тугій хлопецъ зъ силъ, —
 „Ваялъ мя игумень на свои услуги,
 „И въ Монастырѣ самою намѣстилъ!

- „Сѣмь лѣтъ! ихъ! сѣмь лѣтъ щастливыхъ надъ мѣр
 „Силою ми въ мурахъ, нѣтъ поранний часъ!
 „Букварь сидичилъ — амь, Часословъ, — Псалтырь,
 „И Ирмологъ ишесть оубый гласъ!
 „Кута не було помеше мурами,
 „Где — бамь щоденне часто не буваль';
 „Мѣстця не було бтъ брамы до брамы,
 „Щобымъ го всюди добре не ибизалъ!
 „Всѣ добре твмлю Черицы, Калюры,
 „Бомъ мени ними, — съ ними разомъ жилъ;
 „Тамлю икъ нѣмъ, бомъ гостини муры
 „Въ повидмъ розумъ, — рослый опустилъ!
 „Цѣлый той обшаръ, цо нѣмъ пустя ами,
 „Цегловъ, камѣномъ, покрытая лешитъ;
 „Зъ долу и зъ гору замынали брамы,
 „Обыймалъ въ коло каменныи онлѣтъ. —
 „Тамъ, где поточокъ по рѣки шеночъ,
 „Доавъ уноситъ обтрисеный листъ,
 „Клала цо рана, стягала цо ночи
 „Чуйна стражъ брамы лѣцуховый мѣсть!
 „Надъ брамовъ муру стерчить половица,
 „Слѣди на стѣнахъ — блаженни — Иконы. —
 „Колисъ оадобна, проходна звѣница
 „На крѣпкахъ влазахъ, — асарокъ и звоны,
 „Акъ сумъ побераль, — икъ разомъ заграли,
 „Шутѣли боры, — дудѣли загоны,
 „Икъ щоденъ. Вѣрныхъ до церкви скликали!
 „Где часть пѣдъ обѣчь прицерла восточна,
 „Въ авалицахъ муровъ дѣланица стерчить!
 „Сумна, — счорѣла, — и чотыробоци
 „Ванта въ спиною, а въ напѣдахъ цѣтъ!

„Тота будыля въ три подра висока,
„Зь внутрь ще шельть ся бдламки драбинь,
„Мачав стопы въ внутрностехъ потока,
„Зь верха поросля гѣлцими рибинь,
„Мѣстила въ собѣ богатства многи,
„Святны книги, — рызы дороги.
„Тамъ по надь потѣкъ рядомъ бѣть звѣнцы,
„А по за браму ажъ на крайный рѣгъ,
„Стояли побѣчь поважи свѣтланы,
„Черицовъ пребытокъ дневный, — и нѣчлѣгъ!
„По подѣ будынки лукомъ заеклеяени,
„Бѣгли ивицы, якъ норы виртынъ;
„Статкомъ великимъ, густо исполненни:
„Бочками меду, горѣлки и винь. —
„Виница, — броварь, — саджавни ложиско,
„Сады оводни, — побѣчь пастѣвинкъ,
„Шопы, обору, а по подѣ муръ блиско,
„Мешкаль потрібный рядомъ ремѣлникъ.

„Межи мурами, майже въ серединѣ,
„Где бѣны нынѣ розложистый лѣмъ,
„Стоялъ прекрасный, — видку го якъ нынѣ,
„Зь дельнѣ кедровыхъ свѣтлы Божий дѣмъ!
„Не мой то языкъ, и не мой сила,
„Всю оновѣсти велелѣпоту!
„Що тота церковь красного мѣстила,
„Що за богатство многе было ту:
„Престоль, Иконы, Крылосъ, — райски врата,
„Въ блиначихъ барвахъ, — золотомъ важнихъ;
„Истинно! годна Винниго палата!
„Око и душу тягли къ собѣ всѣхъ!
„Свѣчники, книги, нушви и патины,
„Золотомъ сребромъ, — гейбы облѣпиль!

„Зъ кринтаю свѣтломъ обьяни стѣны
„Мѣнить ся въ тѣни Херувима крыль!
„На кождо Свято, шелковыи шаты!
„Прекрасни цвѣты вышивани въ нихъ!
„Моглибы сторцомъ нѣбы плоть стояти!
„Такъ золотый вхъ здобилъ густо шяхъ!

„Можесь цѣкавыи, откъль ся набрали
„Таки богатства въ убогомъ Скиту?
„Колн Инокн для Вншняго хвалы
„Пошлюбовали вѣчну нищету! —
„Бувало въ Свято, — якъ ударять въ звоны,
„Пошлютъ до кола праздниственну вѣсть,
„Тиснуть ся вѣрныи зъ каждов стороны,
„Зъ далека тягне жертвующии гость!
„И сложили каждыи богаты офѣры, —
„Нѣкто голѣручь въ церковь не вступилъ;
„А такъ са гроши множили безъ мѣры,
„Скитъ ся богатствомъ многимъ наполнилъ,

„На той землицѣ, — прогаенномъ лонт. 7)
„Що са схилила ажъ надъ потокъ вся;
„Далеко видна — якъ на блеонѣ,
„Стояла Церковь Вознесенія!

„Тамъ, где строику склезь густн криють брѣв
„Где щолбъ надъ дебрь похилилъ ся самъ;
„Въ облакахъ висѣлъ нѣбы на Фавори
„Преображенскій многосвѣтлый Храмъ!

„Далти на листь верха прогалинт, 9)
„Ажъ при студеномъ Скитца жерелѣ:
„На мезкахъ Ебма — на Свѣтлой голонѣ

„Всѣ они маля потребу прикрасу,
„Иконы, ризы, — звоны и весь ладъ;
„Чернецъ отиравы пилювалъ що часу
„При нихъ оловцый буйно шумѣлъ садъ!

„А нынѣ встуда заросли дороги,
„Скромь хабникъ ледво до нихъ бысь пролѣзь!
„Дармо калѣчилъ по кремѣню ноги,
„Краса загнила, и самъ сладъ исчезъ!
„Теперь ти скажу, — якъ початокъ взяли,
„Кто тоты мурь первый поводиля?
„Що въ нихъ бывало, — якъ долго стояли,
„Кто и коли ихъ въ рештѣ розвалиля?” —

Разъ въ день праздничный, — по долгой работѣ
По службѣ Божьей, на трапезѣ въ келли,
Черницы и Гостѣ въ сердечной охотѣ
Бесѣды красни геть до позна вели.
Тогда Пугмень съ честновъ бороною
На серединѣ свѣтлой келли сталъ:
Утихомирилъ каждый мову свою,
А Онъ такъ повѣсть о Скитѣ почалъ:

ПОВѢСТЬ ПЕРВА ПГУМЕНА.

ОСНОВАНИЕ СКИТА.

„Слушайте брати! Мѣть сорокъ азъ мною,
„Якъ ту облѣдаль — емь инокески шати!
„Вѣшь мѣи хилить ся, — вже надъ гробомъ стою
„Ада дѣи — хилал, — треба свѣтъ лишати. —
„Була Мктонись, — але гдѣсь пронала; —
„Що зъ неи тиллю, — не можна въ грѣбѣ брати,
„Чуль — емь бѣтъ предкомъ — що паять сходало, —
„Съ собомъ не возмю, — лучше Вашъ то жити!

„Въ вѣвахъ, коли ще Галицян креним
„Бвуггелѣи свѣтловъ не силан;
„Честь Перунови и Ладѣ божини
„Дѣистра сосѣды въ ганьхъ бѣдавали; —
„Но нежи Слави, — племена ялчтин,
„— Якъ смуги свѣтла вскрѣлъ хиари розлави,
„Вже приносили роднимъ различни
„Въ церквахъ честь Божу — вѣрни христѣини —
„Тоды поможалъ, Дѣиерь Славутиня,
„Тѣмъ свантой Лавры, (10) и святи нещери:
„Золотый Кіевъ, — Русинѣвъ столиця,
„Була колескови Христовои Вѣри; —
„А якъ шлетъ емоше лучи золотени,
„Щобы докола вѣтъну розгавали:
„Розсидалъ Кіевъ Инокѣи учени,
„Щобы Христову церкови розширили —

Обышли кругомъ Червеѣски Города,
И Теревовли и Перемышля межи,
Древляниъ, Дулибѣиъ, и Бужанѣиъ роды,
Ажъ на Днѣстрове зайшли побережье!
Всюды ихъ хлѣбомъ и сѣлю гостили,
И свѣтлицъ двери, стали имъ отворомъ;
Бо аъ гостинности батьки наши слили,
Но негостинныхъ, — и згадати соромъ!
А правду тую приповѣдь доводитъ:
„Що съ гостемъ разомъ Богъ до хаты входитъ!“
Не обмышло ся и безъ вражихъ насилій:
Но съ Богомъ идучи — збороли пригоды:
Крестъ возвишали, честь богѣвъ зносили,
Важли съ своею по дорожѣ воды! —
Неразъ слезами зайшла имъ зѣница,
Якъ враждовали на нихъ вороги, —
Якъ жадна рѣчка, потѣкъ и кериницъ
Недостарчала воды до ваги! —
Недоля вже ихъ ослабляла вѣру:
Гадали въ преки Игумену своему,
Що не заложать нигде Монастиру,
Мусять голѣручь вернути до дому!

Ало! кто съ Богомъ, Богъ съ ними! и въ дорожѣ
Дѣла слугъ своихъ, — и замысли знае, —
Въ каждыиъ грудей тху, — въ каждой она слава
Чисте ихъ сердце, и потреби чытае;
Хоть не до разу приходитъ до слуху
Дѣло зачатое для Божой хвалы;
Не вѣдь —

И какъ въ малой исторіи помога
Велики села, — мѣста пожегае;
Такъ рѣчь маленька, — але въ руцѣ Бога
До дѣль великихъ чудно помогае:
Инокѣ няши, путь свой продолжили,
По руцѣ правды, завши сини горн:
Побичь съ Дикстровымъ дожищемъ гостили,
По нежѣ снѣгамъ, опѣля и борн;
Ажъ тамъ, где дочка Бескидѣвъ — Лѣвница
Съ Дикстромъ случасъ кристалеви струн,
Простерла съ Галичь — Подѣбрь Столица; 14)
Повиталь гостей, — приняла въ идра свои.

ОБРАЗЪ СТАРОДАВНОГО ГАЛИЧА. 15).

Тогдышній Галичь, — великій, богатый,
Обнималъ пространъ на пять годовъ ходу, —
Вбиралъ ся въ краси — золоты шаты,
Богатствомъ ткани въ гору ажъ до споду;
Котрымъ сіли церкви и палаты
И тверда крѣпость Князьвского роду;
И Владимира Дѣбрь омолоченный —
При немъ грѣбали вѣчеви соборы; —
Храброй дружины полкъ въоруженный
Поднералъ сильно ажъ Угорски горы!
Стѣлъ Осмоимела золотокованыи,
Помѣщала раду прескѣтамъ Боурь!
Переговоры и мира и брани,
И всякъ домашній тихомиралъ сварь! —
Бго торговлю, — нибѣ густѣ хмарь
Вармыали купца въ различныхъ сторонь,
Переимовляли богатствомъ базарь,

И несли мѣсту золотый полонъ!
До его княгинь пріѣжджали сваты
Отъ Царей можныхъ, — и несли поклонъ;
Послы далеки, и римски .Легаты,
Гостили часто середь его стѣнъ!
Твердымъ желѣзомъ покрыти Рыцары,
Своимъ заслона, а ворогамъ страхъ!
Разположили супостатовъ хмары,
Били Солтановъ въ далекихъ земляхъ! —
— Землѣ столиця, — щитъ межн мѣстами,
Сіялъ прекрасно якъ поранна зоря,
Пѣдпералъ сильныхъ Князей раменами,
Владѣлъ землями ѡтъ Сяна до моря;
Красный и теплый, якъ нова сукмана,
Величалъ, красилъ, — и грѣлъ своего Пана,
Нынѣ сукмана здерта! — сами латы!
Яке дво було тяжко ѡтгадати!

НЫНѢШНІІ ГАЛИЧЬ.

Не той то Галичъ, що го видишь нынѣ:
Кѡлька цегляныхъ хатокъ съ дѣпанками
Порозкиданныхъ по вузкѡй долинѣ,
Тры мѣстця Божи — и жидѡвски крамы!
Не той то Князей укрѣпленный замокъ,
Давнои славы рускои ѡтламокъ!
Бо на первой крѣпости звалище
Котрыйсь поставилъ Ляхѡвскіи вельможа
Въ вѣкахъ пѡзиѣйшихъ неудачне замчище:
Такъ зѡсталъ плодомъ, — неправого дожа!
За...

Якъ ластивочи гибада изъ болота
Слабко ся чепять до сухого плота!
Хоть его тыны въ грузы си розпали,
Ще посылають зрадку потомности,
И свѣдчать явно, чимъ колѣсь бували,
Якъ обнажени зъ тѣль — велитѣвь кости!
Обдерти зъ блеску, силы и подобы,
Туги зяслонѣвь густо — съ облаккають, —
Минувшюи славы вѣчиотрвали гробы
Днесъ до правнукѣвь сумно промовляють:
Що днешне племя ътъ предкѣвь широдне,
Гланить нужденно при Отцѣвь могилаѣ;
Тайже самого имене негодие,
Якъ чернь дрѣбовькій въ мертвѣмъ труна тѣла!
Лишь Дакстеръ, свѣдокъ загибнои старини
Ничтожество ихъ сумно обливаетъ;
Якъ стара невка нустон дѣтины
Постулки гадни, — слезами зливаетъ!
Бо! не тоти днесъ свѣтли Галичане,
Боары въ радѣ! — а Рыцары въ брани,
Рускои творцы голоснои славы!
Що крила ихъ скрае кознакъ соболовый
На нозѣ чобѣтъ жовтыи, — сафьяновый,
Гожи, несели, — прекрасни якъ павы!
Въ пурпуре, шовку, прибрани въ фerezѣ
Въ шовковой поясѣ, — и сини сукманы,
Китицель жолтовъ жупанъ густо тканый
Золото, сребро двигали въ чересѣ!
Нѣбы Князята, Ведможи, — Гетманы!
Часто въ далеки краины гостили,
То на торговлю, — то на храбри брани
И рука въ руку съ Князями ходили, —
Не тоти нынѣ, свѣтли Галичане!

Нынѣшнее племя зъ зерна стоколоса,
Где сафьянъ булъ — неразъ пята боса!
Где здобилъ скраше колпакъ соболовый,
Днесь малпуючи заграничну моду
Дивнымъ прибагомъ штукують уроду —
Въ чуждѣй прикрастѣ, удачни якъ соя —
Где тяжкій чересь, — и поясъ широкій,
Зъ дорогихъ шовковъ, — зъ гладкой кѣтайки,
Золотомъ шитый, опережалъ боки:
Тамъ нынѣ связка зъ ремешю чи крайки!
Где были футра дороги при шатѣ,
Перла, рубины, — шмарагды, — коралѣ: —
Наготу крыють хустины и шалѣ!
Много пустого, — дешевого платѣ!
Такъ свѣтлость тѣла нѣтьмою обнята!
Но ще густѣйна духа прилягае: —
Зъ велитѣвъ славныхъ, — нечемни карята!
Чимъ були предки, — мало зъ нихъ кто знае!
На Отцѣвъ гробахъ сплюють сыны выродни,
А гнѣздо власне огидне валають!
Хоть ихъ святого имене негодни,
Однакъ ся мовы ѳтцѣвской стыдають!
Чужимъ похощини смѣшно — съ величати,
И бесѣда ихъ чужа папьянина!
Ажъ — бысь забудь ся! тяжело ѳтгадати:
Чи Ляхъ? чи Нѣмецъ? чи русска дѣтина?
Чи тамъ коли ще давна доля блисне?
Перерву слово! — бо жаль сердце тисне!

Въ тѣмъ урочищу минувшон хвалы
Стоитъ ще нынѣ дорогій забытокъ:
Нѣбы списаны дѣль тогдышнихъ свитокъ, —

Котрої стіни зъ твердої оюки,
Золоти вершки, — мальовани боки,
Тогды вже зъ повиїи красотѣ сіяли; —
Коли зъ дороги наши два Інокї
Радостнымъ сердцемъ Галичъ повитали, —
Богу подяку жертвовали тамъ!

НЕСПОДЪВАНА РАДА.

Жилъ при тѣи Церквѣ, свѣщеносъ Архорїи: 17)

Старець, зазнавпїй, розличной доли,
Колись трудиль ся торговлею соли,
И пѣзналъ добре околични горы;
А розпѣзнавши Інокѣвъ пригоди,
Зъ бесѣды вчувши ихъ високи цѣли:
Що вже далеко — по свѣтѣ гостили,
На вагу вляли зъ многихъ жерель воды,
Бо такї були Старшого наказы:
Гдебы ся воды на назѣ згодили,
Монастырь тамже щобы заложили
На знакъ покуты за Божи уразы:
Хоть на вагу вже всюда воду брали,
Немогли своей цѣли досягнути;
Всюда бї доси на дармо шукали,
Вже съ нѣчемъ мали до дому вернути, —
— Таку прїятну даль Інокамъ раду:
„Колись гостиль-емъ, — не въ одну дорогу,
„На всхѣдѣ — пѣдъ солнце, на пѣлнѣчѣ — къ западу,
„Всьо си ще нынѣ пригадати могу:
„Знаю въ Подгѣрю, — май каждую керницю,
„Бо-мь возилъ зъ ѣттамъ солъ и сировицю!

- „Тамъ, — по за замокъ тягне ся гостинець
„Помежи гаѣ, и князевъ звѣринецъ:
„Тимъ идѣтъ зъ мѣста! — а за тры годины
„Выидете зъ лѣса — на красни ровнины;
„Горѣ рѣкою идѣтъ ажъ пѣдъ горы: —
„ — Добрый день ходу буде зъ сего мѣста,
„Всюды знайдете прекрасныхъ водъ норы;
„Кажда керниця, студена и чиста!
„А якъ приидете пѣдъ облазъ на склезю,
„Где ся на западъ Быстриця звертае,
„Минете въ лѣвѣй руцѣ, струму стезю,
„Тамъ млавый потѣкъ въ рѣку ся зливае:
„Але не важе съ его водовъ -- свою!
„Бо помѣшана съ дохтемъ и съ роною!
„Пѣдидѣтъ выжше майже пѣдъ годины:
„Тамъ рѣчка друга бѣльша ѡтъ тамтон,
„Помежи горы, — нѣбы ровни стѣны,
„Несе въ Быстрицю чисти воды свои!
„Неразъ гостячи съ тирхами съ вагою,
„Якъ сонце шварно въ полудне варило;
„Або прагнуцїя, — пилъ - емъ воду зъ здрою,
„Або зѣвляе скупаль въ рѣцѣ тѣло;
„Вѣрте ми! Майже всѣ Подгѣрски воды
„Не мають той вдрности и силы,
„Щобы такои дали прохолоды,
„Щобы такъ въ спразѣ тѣло покрѣпили!
„Тамъ затрѣбуйте! А сли Божя воля
„Схоче сполнити вашу праву вѣру;
„Змѣнить ся хутко неприязна доля,
„И заснуете углы Монастыру!
„А сли не вдасть ся и тамъ по Божой воли,
„Не осягнете вашу цѣль николи!”

Якъ середь Липна, сли сиека догрѣе,
 Листокъ, травица, — колось и былина
 Головку схилятъ, — збывае, зблѣе, —
 Бѣжитъ въ затѣе скотъ и челдина;
 Праге якъ каия, желе и просить:
 Чей облакъ змякне и дощикъ поросить!
 Тогда сли хмара небосклоуъ засуе,
 Холодный вѣтрець буйнею поведе;
 Дробнеюкй дощикъ изъ обладоуъ лоне,
 Всею си простуе, покрѣнитъ отже; —
 — Такъ слова рады, що зъ усть старца плыли,
 Слабу надѣю Гостей покрѣнили. —
 Хоть вугли лучи надѣи благои
 На дальшій усѣхъ зъ тои рады блисли;
 Оба уклякли, — взнасли руки свои,
 Пустили въ небо и очи и мысли:
 Горичимъ сердцемъ подяку сложили,
 Що радиль доси путемъ промыслъ Бога,
 А чей и дальшій щастлива дорога
 Заведе хутко къ пожаданой цѣли!
 Сираццали Церковъ, и Галича брамы —
 — Горѣ вывозомъ, по за Кизевъ двори,
 И по надъ Луковъ (18) лазомъ и врани,
 Близька надѣя! — Крокъ за крокомъ скорый
 Несъ ихъ на крылахъ, — на видогдишь въ вѣтрами!
 Ажъ поминули хабнича и звори,
 А нѣтъ улывало ходу три години,
 Середь красной вѣрѣли си рѣвинны!

Все краснѣ рѣки, котри воду свою
 Въ Дибстрове доже зъ Бескида зливають,
 Але Быстрицю, бѣгомъ красотою,
 Бѣме! нѣколи чей не завстадають!
 Бо чиста струя, — нѣбы слеза ока,
 Полоче рѣки, — нѣсочокъ и плыти:

А хоть где въ плесѣ въ два хлопы глубока,
На днѣ бы можна рыбку полѣчити!
Скоро Иноки зарѣнкомъ, лугами,
На рѣки берёгъ щастливо dospѣли,
Тужъ наполнили судину водами,
И побѣчь съ своевь на вазѣ сложили:
Заразь надѣи — луча имъ заблнсла,
Чернули грудевь вѣтрець прохолоды:
Бо вода вагу въ долину потнсла,
Трошечки бѣьше, якъ давиѣиши воды. —
Того-то напнмъ Гостямъ було треба!
Вже мали перву щастливу познаку,
За тое заразь послали до Неба
Зъ души и зъ сердца горячу подяку;
Горѣ Быстрыцевъ, — нѣбы легки крила,
Люба надѣя злекшала имъ хѣдъ,
Кажда водиця черезъ вагу плыла:
Чи здрѣи, — чи потѣкъ, — шипѣть, — плесо — брѣп
И чимъ разъ выжше, бѣьна радѣсть въ оцѣ,
Бѣьшу потѣху — що разъ сердце чулю:
Бо въ норѣ каждѣи и въ кождѣмъ потоцѣ
Богдай за кроплю на вазѣ прибуло. —

ПОКУСА И БЛУДЪ ИНОКѢВЪ.

Нѣмъ солнце въ своимъ дневнѣмъ оборѣтѣ
За сини горы другій разъ запаю;
Щобы по труднѣи, горячей работѣ
Гдесъ тамъ далеко, въ мори ся скупало:
Минули облазь, и потокъ съ ропою,
Переншли поле, луги и зарѣнокъ.

Ажъ где Манавка чисту воду свою
 По дробикѣй рѣки въ Быстрицю алише,
 И съ нень ся въ дальшу гѣстьбу выбираю,
 Тамъ на вечерній уѣли спочинокъ. —
 Добрежъ имъ було тутъ на пагу взати
 Зъ одной рѣчк. и зъ другой воду!
 Котра зъ нихъ тажша? на певно пѣзнати
 Щобы не власти ще въ яку пригону,
 Щобы не точи вже на дармо ноги,
 И не зблудити зъ правою дороги!

Но съ долень людсковъ такъ си часто дѣе:
 Неразъ челоуѣкъ глубѣнь перепапане,
 На сухомъ стати, — туй туй си сподѣе,
 Урве ся берегъ, — а быть марно гине!
 Неразъ блудницѣй, до щастя палаты,
 Всѣми силами сиѣшитъ си допхати:
 Ледво, що стане блиско щастя дверей,
 Сама помыслиость розумъ му ѡтбере!
 Бсть окромъ того неиритель нишй:
 Що си на щастныхъ кривымъ дивить окомъ:
 Ворогъ слугъ Божихъ, — сотона замѣшан,
 Где въ простѣ не може, тамъ пѣдходить бокомъ;
 А где мѣркуе, що слугъ Божихъ трудомъ
 Рости моглабы честь и хвала Божа:
 Заслѣшитъ розумъ и обмане блудомъ,
 Веде зъ гостинца въ пусти бездорожа,
 Завистный душамъ вѣчною заплатк
 Веде въ погибель, — щобъ ся зъ нихъ смѣити!

Спочинокъ черицень коло рѣки броду
 Жегналъ денъ красный — зноула вечерѣло,
 А зъ подъ горъ дыхалъ вѣтрець прохолоду
 Солнце кертано ще си обозрѣло,

...перелети на златра пугачу!

А нѣтъ, погаснуть вранни солины думи,
Могли съ нѣмно сподѣлати тучи!

На просторахъ нѣкъ ночь пересидати?
Гдѣбы на суше гдѣбу славного?
Самъ не ма поблани влюбля, нѣ хоти?
Нѣ гдѣ въ березѣ широкимъ панты!
Нѣ гдѣ живои душа не видати,
Щобы си можна о нѣдлагѣ слысати,
Тимъ, съ зачалъ Панаи журити!
Во роще поле и гдѣль зарѣномъ,
Нѣкъ та въ ночи, на дощѣ спочиномъ?

Повели торѣ Быстрицею окомъ,
Видеть: прѣкъ въ пѣкъ хилить съ — плывомъ,
То воцѣ черниче, то ружи палочѣ,
То въ задь, — то въ передѣ шрѣтъ рѣку кровомъ;
Пригублять близше, — видять: то рыбаць!
Въ рукахъ трывае на дераву савъ!
А черезъ плечи зашнота — шѣбъ
Дѣ полотна пѣта — торба, пѣвни рыбы
Динь, подозрѣли Черница — побланиста,
Шѣ пѣвниа чѣла стертѣли му рогѣ!
Що акъ у цѣна разьолена пѣта,
И съ курчюмъ пѣвниаи ногѣ,
Ии си чурчюмъ пѣвниаи прищѣль,
А бѣси ногѣ нѣ водѣ заурчѣль!

Повели му доли — а акъ нѣкъ плывомъ

— Якъ? — чи щастливо по свѣтѣ гостили?

— Яки потреби, — и яки ихъ цѣли?

На тое Черницы такъ му одновѣли:

— Дорога наша до чистого здрою, —

— Бо такій наказъ маемъ отъ Старшого; —

— Тамъ съ водовъ зважнмъ тоту воду свою!

— Гдебы ся воды на вазѣ згодили, —

— Тамъ монастыри фундаментъ нового —

— Заложимъ заразы для Божои хвалы,

— Щобысьмо грѣхи испокуювали!

— Котровъ дороговъ туда намъ ступати?

— Сами не знаемъ! — Тебе Богъ спровадилъ,

— Щобысь намъ зъ ласки жичливо порадилъ!

— При тѣмъ тя смѣемъ ще тое спитати,

— Чи не ма близько где сухон хаты,

— Гдебы моглисьмо нѣчку переснати!

— Бо тамъ зъ поза гѣрь чорна хмара суне,

— И незабавкомъ певно туча люне!

—

Рыбакъ на тое усмѣхнуль ся мило,

Примилля уста, — и лице и очи;

Зъ устѣ словце кажде, — нѣбы съ медомъ пылю,

Очка свѣтили — съ якъ зѣрнички ночи;

На лици образъ, милости, — покоры,

И сложиль руки побожно на груди;

Гадалъ — бысь певно, що другій Архорій

Хоче имъ радовъ уменшити труды!

—

— Щастье то Ваше! — щосьмо ся здыбали!

И я вашъ ровный; — якъ вы — служу Богу,

Ѣму ся молю, — съ нимъ часъ подѣляю. —

И зношу труды, — всею для его хвалы,

И поживлѣня въ працѣ рукъ шукаю,

Ось чимъ ся Гостямъ прислужити могу :
 Дамъ вамъ притулокъ , — бысте переспали,
 Заутра покажу до здрою дорогу!
 Я на покуть за давни провинны
 Жію лѣтъ много посередъ пустыни!
 Маю зъ каменя межъ лѣсомъ хатку :
 Суха и чиста , хоть трохи убога ;
 Претцѣ тяжкого не ма недостатку,
 Проста до неи и рѣвна дорога!
 Знайду сухаря , — щобъ васъ поживити ,
 И садовины , — при тѣмъ меду кривку,
 Сухой рыбы , — съ сушенновъ вышку ,
 И студенон воды ся налити!
 Хоть мою пѣстну , и убогу страву
 Вамъ незаправлю — имбиромъ и перцемъ ;
 Хоть ихомъ покрыту каменную лаву
 Вамъ не застелю — богатимъ коберцемъ ;
 Але — же знаю , вашу святу справу , —
 Прийму васъ щиримъ , — и охочимъ сердцемъ.
 Ходѣтъ за мною ! поступайте смѣло !
 Доби сѣрѣ , — ще ся не стемнѣло !
 Хмара надъ нами , — а дожджъ рясный скропитъ ;
 И туй , туй , — пѣтьма , — якъ за очи влопитъ .

Чи може коли ѓтъ рѣднои неьки
 Бѣдшой дитя милости дѣзнати ?
 Чи може коли брату — братъ рѣдненькѣи
 Щирѣйшу раду въ потребѣ подати ?
 Такъ собѣ гостѣ идучи гадали ,
 И за рыбакомъ шибко поступали !

Вже ся стемнѣло . — а хмары ся перли ,

Ось чимъ ся Гостямъ прислужити могу :
Дамъ вамъ притулокъ , — бысте переспали,
Завтра покажу до здрою дорогу!
Я на покутѣ за давни провны
Жию лѣтъ много посередъ пустыни!
Маю зъ камени межн лѣсомъ хатку :
Суха и чиста , хоть трохи убога ;
Претиѣ тяжкого не ма недостатку,
Проста до неи и рѣвна дорога!
Знайду сухаря , — щобъ васъ поживити ,
И садовины , — при тѣмъ меду крижку,
Сухой рыбы , — съ сушениновъ вышку ,
И студенон воды ся напити!
Хоть мою пѣстну , и убогу страву
Вамъ незаправлю — имбиромъ и перцемъ ;
Хоть мхомъ покрыту каменную лаву
Вамъ не застелю — богатымъ коберцемъ ;
Але — же знаю , вашу святу справу , —
Прійму васъ щиримъ , — и охочимъ сердцемъ.
Ходѣтъ за мною ! поступайте смѣло !
Доки сѣрѣе , — ще ся не стемнѣло !
„Хмара надъ нами , — а дожджъ рясный скропитъ :
„И туй , туй , — пѣтьма , — якъ за очи вхопитъ .

Чи може коли ѡтъ рѣднои неѣки
Бѣольшон дитя милости дѣзнати ?
Чи може коли брату — братъ рѣднеѣкнй
Щирѣйшу раду въ потребѣ подати ?
Такъ собѣ гостѣ идучи гадали ,
И за рыбакомъ шибко постунали !

Вже ся стемнѣло , — а хмары ся перди ,
И чимъ раздъ бавше намъ чимъ хвиломъ

Хоть швидко бѣгли, — о поздній вечери,
 Рыбакъ завёл ихъ на берегъ подъ Кливу,
 И попровадилъ — просто въ брусни двери!

ГОСТИНА ВЪ БРУСНЫХЪ ДВЕРЕХЪ.

И менѣ встае до горы волосе,
 Якъ си згадаю той великій страхъ!
 Якъ бѣдни Черницы, промокли и боси,
 Вылѣзли пѣлбѣчь въ стрѣмкихъ чагурахъ!
 И они сами не знали сказати:
 Чи ся драпали тамъ о своихъ силахъ?
 Чи газда честный, гостеьки до хаты
 Занесъ на плечахъ, — на рукахъ, — чи крылахъ?
 Досить, же були на самѣмъ порозѣ,
 И середини хаты оглядали;
 А що въ ужасѣ, и тяжкѣй тревозѣ,
 Зъ тыхъ довоглядѣвъ ще запам'ятали,
 Зъ ѳтамъ идучи всюда по дорозѣ,
 Кѣто булъ цѣкавый, — такъ розповѣдали:

Довгосьмо въ пѣтьмѣ, въ гремотахъ и зливѣ
 Летѣли, нѣбы нѣчновидный птахъ!
 Ажъ проводникъ насъ посадилъ на Кливѣ,
 Въ густыхъ и стрѣмкихъ збочи чагурахъ!
 Намъ пѣдъ ногами пронасть ся розверла:
 Темна глубока, якъ пекла пащека;
 Тайже — бы была живцемъ насъ пожерла,
 Такъ страшнымъ горломъ зѣвала зъ далека!
 Надъ головами, кремениста плита;
 Майже пять шагѣвъ и повздовжъ и въ ширь:
 Нѣбы швидко до ованъ пролѣта...

А въ серединѣ гранчастой отады:
Стрѣлка, — гладка и бѣлы дѣло штуки,
Пустыла корень, ажъ у Кливмы снѣдь;
По середѣ вен, шикъ може руки
На образъ дверей вырѣзали входы.
Около вен, буки и алицѣ:
Сосны, — смереки, — сѣтркъ и воще дѣлье:
На нихъ гадѣдуть ся астрѣбъ, брѣштѣ:
Пѣдъ иви затри, — и норы гадѣети!
Двери до входу зъ желѣза и иѣди:
Ще подѣспрала скалы грѣнка брѣла,
И темныхъ дѣховъ страшии дивоглады,
И жасъ дѣва невидома сила!
Но скоро ближше приступилъ рыбакъ,
Мѣзьянымъ пальцемъ зробилъ на нихъ знакъ:
Заразъ бѣгуны и замки заскрипѣли,
Сами ся двери ѡтъ себе вотворили!

ВНУТРІЕ БРУСНЫХЪ ДВЕРЕЙ

Але той лосѣдѣтъ — лопѣтъ тон брылы
Загудѣлъ иѣмовъ мовневъ по кутахъ:
Ажъ подвалныи Кливмы затрицѣли,
Цѣлый камѣнный стрясъ ся гмахъ!
Слибьсьмы хѣли одну половницю,
Тыхъ списати чудныхъ дѣлъ,
Що наполняло пѣдземну темницю,
Що въ собѣ гмахъ той помѣстилъ? —
Не чтыры очн, и не два языки, —
Але тысячи, — каждый дайте свон!
Тогда полѣчимъ тотн згран днѣн,

Тон челяди — безчисленни рои!
 Тотъ тамъ съ грѣшми, скринѣ и шкатулы!
 Каждая замкнена, — при ней вартѣвникъ!
 Щобы ся силовъ, яки не добули!
 Щобъ кто лукавымъ варокомъ не урѣкъ!

Далѣя огнище, — при немъ вѣтра тѣла:
 Въ кѣтлахъ, то зѣе — то масть ся варила:
 Кругомъ стояли вѣдмы: — вѣдмы! — чарѣвницъ!
 Сухи — окати — чорни — костолоницъ!
 На ребрахъ — клубахъ — лахмаше и рубы, —
 Простоволося — лише ниѣ, — где зубы!
 Єдни копистковъ присмаки мѣщали,
 Други надъ ними примовы шентали;
 Старый учитель каждую бралъ за руку,
 И подавалъ имъ покотомъ науку:
 „Возьмѣть си каждая, то зѣля, — то масти,
 „Въ черепокъ, — въ горня — хоть по малѣи части
 „Котра ще буде примову умѣла,
 „Докаже въ свѣти великого дѣла!
 „Ты! якъ ѡтъ печи, помастнишъ лопату,
 „Сидешъ, — полетнишъ, вскрѣсь каглу надъ хату.
 „А по лѣдъ хмары — ажъ геть до границѣ,
 „Где часомъ мудри радять чарѣвницѣ;
 „Або по надъ лѣсь, — зайдешъ ажъ надъ гори,
 „Где духи нѣчно обходять соборы!

„Тымъ, — якъ покронить выгоны, — паровы
 „Туда на нашу, выходятъ коровы;
 „Ний жени дѣять зъ вечера до рана,
 „Твоѣи весь пожитокъ: масло и сметана!

„Кто ся кимъ бридиль, — мушгъ полюбити!

„Где була милость, вѣтры ю розвѣють!

„Товь! що начеркнень, — отвѣрнень пригоду!

Тымъ! кто ся своронгъ, — отшукав нивоу!

„Товь, кому зробишь знакъ межи бровами!

„Що вдрить очима, — уираде руками!

„Въ томъ! сли подходить, — бездѣльна дѣвизи!

„Девить разъ аміе — свои руси косы;

„Злажугъ сватачи, — якъ на ишу,

„Хоть никто за шо не спиталъ ся доси!

„Тымъ, и малжесьство и сосѣдѣвъ повадишь!

„Тимъ кого схочень, зъ сего свѣта згладнись,

„Верѣть! рушайте! каждая къ своему ложу!

„Я нияи справы, потюкмити мушу;

„Где прійде тяжко, — и вамъ допоможу —

„Але ся тямте! виннисьте ми душу!”

На середь хаты, — майже просто дверей,
Стоялъ шерокій, застелений стѣль:

На немъ стояли пера и паперы,

Писарь, на локоть підпертый сѣдѣль:

Зѣркаль до кола, кашляль, морциль брови,

Але не було на столѣ черниля,

Бо, сли съ кимъ занисъ сотона чиняла,

Пустиль зъ малого пальця кроплю крови,

Заразь ся згода о душу стокмилъ:

Підписалъ имя! и контрактъ готовий!

Кто зрекъ ся неба, для земской утѣхи,

Тому давали грошей повни шѣхи!

Бо мы при дверехъ — гей закаменѣли,
Пары-смо зъ себе пустити не смѣли!
Тьохкало сердце — и ноги дрежали,
Руки ся крѣпко одвѣркнувъ держали;
Луна дѣтъ свѣтла въ очехъ ся намъ тмила.
Волось ся ѣжилъ, — шапка глазила!
А скоро котрый зъ насъ, — рыбака зъочилъ,
Вскрѣсь дроць врѣмила, — зубъ за зубъ заскочилъ
Въ задъ ся цофнути! щось нѣбы припило!
Нѣбы до скалы приковане тѣло!
Братъ Иоанникій въ тѣмъ тяжкимъ фрасунку
Хотѣлъ зо всѣхъ силъ горлати ратунку!
Выречи слово! — анѣ суди Боже!
Отговорилъ уста! — заперти не може!

ЗАПРОСИНЫ.

Рыбакъ прійшоць ся вдовоць, поперекъ хаты,
Просушилъ борше — промоченны шматы,
И такъ мовячи вернулъ ся ко дверемъ:
Мы васъ на ночлець до хаты заберемъ.
„Гостевки миди! дамо вамъ выгоду:
„Якои ще-сте не зазнали зъ роду:
„Царски будете стравы вечерати,
„Въ мягкихъ перинахъ солоденько спати:
„Самъ васъ въ спокѣйну комѣрку заведу,
„Додамъ достаткомъ — чи вина, чи меду:
„Заутра раненько пуцу васъ въ дорогу,
„И дамъ велику въ грошехъ запомогу;
„Щобы-сте довше въ свѣтѣ не блудили,
„И зайшли борше до своей цѣли!

„А — же вамъ щиро, — якъ прїятедь раджу,
„Самъ насъ на тоє мѣстце попроваджу,
„Покажу чисту съ важковъ водовъ струю,
„И за двѣ водѣ Монастырь збудую!
„А за всѣ мои ласки, — и подвиги,
„Запишѣть имъ, — отъ до сєи книги!
„Я вамъ дамъ помѣчь во всякихъ пригодахъ;
„Буду служити вѣрно ажъ до смерти;
„А що-сте чули въ розмовѣ при водахъ,
„Смѣйте ся зъ того! всьо то було жарты!

На таку мову, — кровь въ насъ закипѣла,
Но якась вижша сила покрѣпила:
Взнесли-смо руки взяли ся жегнати, —
Щобы сотону, въ безодню загнути!
Але самъ рыбаць — и челдникъ хромый,
Скочили ближше, где стоялъ Пахомій;
Вперли ногами при дверехъ у плиту,
И тигли черица руками за свиту!
Крыкъ, зойкъ и галасъ, — зробилъ ся великій,
Гейбы свѣтъ цѣлый малъ си завалити!
Хтѣлъ дати помѣчь брату — Иоаннїкій, —
Сховзъ ся, — горѣницъ — покотилъ ся зъ плиты:
За добре сердце, и вѣрну прислугу,
Полетѣлъ помѣть — въ глубоку пругу
А вѣмъ ся газды, съ другимъ гостемъ дерли,
Цоркнули двери, — плитовъ ся подперли!

Тогда Пахомій видитъ що не жарты!
Або въ ихъ шпонахъ безъ часу умерти!
Або нещастный записъ учинити,
И такъ на вѣки душу загорити;
Добуль зъ пазухи крестикъ деревяный,
Що му Пугмень завѣсилъ на шїи:

Въ чудовой силѣ вже давнѣйше знанай,
 Бо мѣстилъ въ собѣ кѣсточки святыи,
 Пережегналъ нимъ; а чорты якъ врыти
 Спустили руки, — и стали на плетѣ!
 Але ще хтѣли щастя стрѣбовати:
 Скликани бѣльше своихъ чорныхъ братей!
 Сбѣгли ся заразь многи дивоганды
 Надъ однимъ Черицемъ шукати побѣди,
 Одинъ свѣтили засмолени екшны,
 И тужъ! до бѣйки рвали ся дѣть сварки,
 Други дѣть кѣтлѣвъ чорни якъ огарки
 Махали страшно желѣзными цѣпы,
 Плянули въ жменѣ, — пѣрвали за барки.
 Отець Пахомій, — видигъ — „аха сила?
 Сми погибати! разъ — мати родила!
 Одогналъ боклагъ съ пещерскими струи,
 Наполнилъ ними двѣ пригорци свои,
 Якъ хлюсне просто рыбакови въ сафны,
 Ажъ ся чупрына дымомъ закурила!
 Непомогли му и желѣзни цѣпы,
 Бо така воды священной сила!

Крикнулъ — вереснулъ и скорчилъ ся въ крѣ,
 Завилъ, заскомлѣлъ стома голосами!
 Вѣлкомъ и кровлю зайшли му палубы,
 Зѣвнулъ и зѣркнулъ огнемъ и испрами!
 Гаркнулъ, — вышкырылъ иѣбы рѣжны зубы:
 И тужъ! на Черици и съ товаришами!

Якъ часомъ хлонцѣ, въ евангели палени
 Въ дуилѣ порушати оси и шершенны:
 Они до очей просто тиснуть роємъ,
 Абы скарали, кто ихъ бралъ розбоємъ;
 Такъ чорна челдѣ, — аъ кутѣтъ — аъ скалу бини

И зъ закоморкѣвъ, где ся доси крыла, —
 Вдохивши въ руки свои оружины,
 Обцель ся въ очи Черницеви пустили!

ПОБѢДА.

Але Шахонинъ лье воду — и кропитъ,
 Всѣхъ передъ себе якъ череду пудить;
 А где котрого — хотъ кроплевь захопитъ:
 Ривне, — застогне, — ажъ гононъ загудитъ!
 Якъ воли кани, — чи ястрѣбъ въ садочку
 Спаде, — розпудитъ съ курятами квочку:
 А они бѣднѣ — въ кропивѣ, въ заулку
 Цѣнкають, бѣжать, шукають притулку;
 Або пѣдъ крыльми квочки — охороны,
 Щобы не впаля въ ворогѣвъ тыхъ шпоны; —
 Якъ, где пѣдъ гущевъ, — або при зямѣнцѣ, —
 Скочитъ вовкъ зъ корчѣвъ, — и розпудитъ двѣцъ;
 Они по гуцахъ, — склезяхъ и долинтъ
 Хутко розпирснутъ — якъ липове клинѣ;
 Такъ чортовъ гурма, — що страху не знала,
 Передъ бѣлагомъ драпака втикала,
 Бо на тихъ, Божицъ врагѣвъ, чорни хмары;
 Сяи людемъ шкодитъ адѣсть заслѣпелена;
 Не ма постраху и большон кары,
 Якъ Креста знамя — и вода священна!

ПУТЬ ПѢДЗЕМНЫИ.

Треба намъ знати, що отъ брусныхъ дверей,
 По пѣдъ Любинець, во внутрѣстехъ горѣ,

Бѣгомъ ся тягнуть пѣдземни пещеры:
 Не всюда ровни и въ глуберь, и въ ширь:
 Разъ такъ высоко взноситъ ся склепачье
 Що можъ безпечно и на коня всѣсти;
 Далѣи такъ низко ходить пѣднебѣе,
 Що ледво мѣгъ — бысь на рачки пролѣсти!
 Тутъ, такъ широво розходятъ ся стѣны,
 Що легко побѣчь двомъ возамъ минути!
 Далѣи ся сходятъ въ такъ вузѣнки стѣни,
 Що лише бѣкомъ можъ ся протиснути!
 Разъ бѣжать въ глуберь, по стрѣмкихъ заломехъ,
 Ажъ осередка землѣ досягають!
 Тамъ, въ гору шнуть ся нѣбы подра въ домахъ,
 Подъ поверхницю горбѣвъ навертають!
 Такъ крутымъ горломъ: времѣжомъ и плитѣвъ
 Бѣжить геть на вскрѣсь пѣдземне борыто:
 Ажъ надъ Манявѣвъ, — въ снадистѣвъ обочѣ,
 Где рѣва берегъ мулить и полоче:
 Стремить надъ склезю споре скалѣ урвище,
 Нѣбы розпалыхъ будынкѣвъ звалище:
 А зъ боку темный зѣвае отворъ:
 Туда зъ пещеры дорога на двѣрь!

Чернецъ скрапляе, гонить чорне стадо,
 Що по дорозѣ ще ся помножило;
 Зъ верескомъ, — пискѣмъ, — швитко ходъ не радо
 То въ сторць — то плазомъ, — стрѣмголовъ летѣ
 Лише що гурмовъ отвору доспѣли,
 Бухнули роємъ, — якъ пчѣлы изъ уля: —
 Блисла зѣрниця, — когуты зацѣли,
 И закувала надъ ними зазуля!

Слѣсь коли видѣлъ, якъ на конарѣ грушки
 Спадуть веретѣвъ вороны, сороки;

Стрѣлецъ скраде ся и выцѣлнть зъ пушки :
Они ся стреплють — пирхнуть на всѣ боки ;
Такъ темни духи , и пекевни силы
На всѣ стороны , — геть ся розлетѣли !
И вже , — поднести-сь подъ хмары високи ,
Ще повтаряли страшенно грозити :
„ Же — хотъ гдеко.векъ усядуть Иноки ,
„ Чи въ Монастыру — чи въ пустыи затѣню :
„ За кривду свою , мусять ся помстити !
„ Сли не на нихъ ? на сотнѣмъ поколѣню !

ДА.ЪША ВРАЖДА.

Правда ! ѳтъ тои побѣды Инока ,
То надъ рыбакомъ , то надъ его други ,
Цѣлкомъ спустѣла яскиня глубока ,
И брусныхъ дверей заросли яруги !
Але чортовска зависть не заспала
Въ часахъ потомныхъ Инокамъ вредити :
Для лютой помсты , доброй поры ждала ,
Честнымъ ихъ трудамъ всюда клала сѣти :
Неразъ безсоннымъ въ молитвѣ и постѣ
Бронли пакѳсть тоты злобни дусы :
Въ церквѣ и въ келли непрошени гостѣ
На тѣло и душу зсылали покусы !
И при роботѣ , во снѣ и на явѣ
Образы скверни , и огидни мысли
Чи то въ домовѣи , чи церковной справѣ ,
„ Лѣзли на очи , до души ся тисли ! —
Не еденъ зъ Черницевъ — оружьемъ закону ,
Долго боролъ и побѣждалъ ихъ исоту ;

Ныни прелщенный полюбилъ мамону:
Аншилъ ся Бога, — и утратилъ шноту,
И не дивнииа! — сян Богъ свои слуги
Поддасть побусамъ за яки провини!
Безъ борбы, — трудовъ, — не зберемъ заслуги,
А вѣнецъ зъ рожи не ость безъ терини!

ВЫХОДЪ ЗЪ ПЕЩЕРЫ НА БѢЛЫЙ СВѢТЪ.

Скоро на свѣтло зъ темной пещери
Бухнули гурмовъ душы неприятни:
Нѣбы дымъ зъ кагли, чи зъ мѣха полова;
Отець Пахомій — черезъ порогъ дверей
Лишь трошки тлѣнный! в мокрый якъ зъ дашѣ
Выдѣзъ и долго не промовалъ слова!
Згоненовъ грудевъ хлвинулъ прохолоды,
Протерлъ си очы, заткалъ святи воды,
И креста знамя завѣсилъ на шѣ,
Поцѣлювавши мощи въ немъ святын!
Все ся вчерайши хмары геть розпыли,
Умовкла буре! небосклонъ якъ скло:
Листье, травниця чисту росу пили,
Прудуховъ свѣжовъ зъ помеже горъ тхлю!
Мѣсяць за горы скривалъ повни лицѣ,
Косартъ, — квочка, чепиги згасали,
Золоти лучи ранной зѣрницѣ
Девъ на розсвѣтлю блискій звѣстували!
Цѣла природа на ново отжила,
Втомлении силы Черниа покрѣпила;
Черпиуль долоневъ росы по муравѣ,

Прохолодила съ, зробишь святой знакъ,¹
Впяль на колѣна по страшнѣйшій сирѣвъ,
Знеся въ гору руки, и молишь ся такъ:

МОЛИТВА БЛАГОДАРСТВЕННА.

„Ахъ! Вы прекрасни, небесни свѣтила!
„Якъ же насъ мають витати зѣниці,
„Котри въ подземнѣй страшнѣйшій темниці
„Хмара пекельныхъ жителей притмила? —
„Якъ мила оку, золотави лучи,
„Якъ легко груди вѣтру прохолода,
„Якъ любви уху птици краснозвучи,
„Якъ тѣшитъ сердце смѣюща природа?
„Якужь подяку, Тобѣ Боже скажу?
„Що - съ тамъ свѣтила въ облакахъ заткнулъ,
„Що - съ темни духи — и всю силу вражу,
„Брамами пекла на вѣки замкнулъ!
„Сли судьбъ Твоихъ глубѣнь неизмѣрена,
„Злобнымъ тимъ духамъ дасть часомъ потуги.
„Же въ гордой злости поднесли рамена,
„Напасти многи плють на Твои слуги;
„Далъ - всь намъ знамя Твоей оуѣки:
„Брестъ, що си Духи боятъ его виду:
„Шлешъ намъ покусу: не згуби - жь на вѣки!
„Борба зъ рукъ Твоихъ, — присѣхни - жь побѣду!
„Благослови - жь намъ къ Твоей славі цѣли,
„Дай совершити розпочате дѣло
„Бысьмо на вѣки, — видчно Тя славили,
„Ш... ..

СПОЧИНОКЪ.

Скѣнчилъ! — а трудомъ ослабленне тѣло
 По долгой стражи прагнуло спочинку;
 Бо сну не видѣлъ въ той страшенной ночи!
 Нѣтъ сонце окомъ въ долину зазрѣло,
 Зѣйшолъ зъ обочи, спочилъ на зарѣнку
 И сномъ склеени ялъ жмурити очи!
 Ще прійшла гадба: „Где братъ Жоанникій?“
 Чи ще живцемъ ся можуть оглядати?
 И тяжковъ грудевь глубоко зѣтхнулъ.
 Но права вѣра и надѣя силна:
 Не ридить ними судьба неомилна, —
 Якъ утолили и смутокъ великій!
 Погадавъ: „Лучше ся на промыслъ здати,
 Подъ Его крилами можъ безпечно спати,
 Закѣнулъ свиту, — и леговко вснулъ!

ПРИГОДЫ ЖОАННИКІА.

Другому брату, — въ тамтѣмъ боцѣ Клявы,
 Зачѣнка першина совѣмъ ся не вдала:
 Сховзъ ся зъ порога, у глубокій яръ;
 Однакъ безъ шкоды! — и булъ такъ щастливый,
 Що не глушилъ го, дальшій съ бѣсомъ сваръ,
 Анѣ му чорна згрѣя докучала! —
 Навѣтъ на саме яру дно не впалъ:
 Бо въ повъ дороги зачнилъ въ пень свитовъ,
 Скулалъ ся въ двое — и причекъъ подъ плитовъ;
 Тамъ се бѣсомъ мшицу перемалъ!

По привитаю , и честныхъ уклонахъ ,
 Чернецъ ситаль ихъ : „Чи - сте въ тихъ сторонахъ,
 „Отки идете , — не видали брата?
 „Що така на немъ , якъ на менѣ шата ;
 „Лише съ сивѣйшовъ , якъ я бородою ,
 „Крестикъ на шиѣ , — боклагъ подѣ нахою ?
 „Бо отлучилъ ся ! Ахъ жалостна страта !
 „Сли го не знайду ! щожъ буде со мною ?
 — Гостѣ на тое : „Стой ! Панъ Богъ съ тобою ,
 „Мы вынѣ зъ рана попасши конята , —
 „Двѣ годинѣ ходу , одси , — при кирниці ,
 На нихъ втирхавши , що зможъ сировици :
 „Скоросмо побочъ въ долилу спустили ,
 „Рѣчку подѣ свлезю двичи перебрили , —
 „Подибалисьмо — певно твого брата !
 „Бо така на немъ , — якъ на тобѣ свита :
 „Шерстка , — притерта , вдовакъ якъ мѣхъ защита !
 „Борода сива , по поясъ сивае ;
 „Крестикъ на шиѣ , промѣями сіае ;
 „Костуръ до себе побочъ притулилъ ,
 „Голову честну на боклагъ склонилъ !
 „Певно ночь стратилъ гдесъ въ горячей справѣ ,
 „Бо заснулъ смачно въ тѣнѣ на муравѣ !
 „Видишь щовбы два , гуць на нихъ ялины .
 „Що въ руку стрѣмко сперли ся якъ стѣны ;
 „Зѣ межн ихъ потѣкъ , по камѣню грае ,
 „Нѣбы по сходахъ въ Манявку - съ спускае ;
 „Тамъ просто него въ холодной затѣни
 „По руцѣ правой , — братъ твой спочивае !

ОТЫСКАНИЕ.

Не ноговь людсковъ, но крыломъ пташины
 Чернецъ промкнулъ ся стежками долины!
 Не оглянулъ ся, — спочити не сталъ:
 Чи горбъ, — чи потѣкъ, вѣтры перегиалъ:
 Нѣмъ сонце стало, — близъ днѣ половины,
 Просто потока въ холодной затѣни, —
 Уже на молитвѣ братъ брата засталъ:
 Притислъ до сердца, — и поцѣловалъ!

Скажѣтъ ми дѣти! снѣ отецъ и мати
 Довго забавлялъ въ далекой гостинѣ;
 А вамъ голоднымъ, — въ самотной хатинѣ,
 Приде ся довго, — довго выгадати;
 Снѣ ся укажутъ на села кѣнчинѣ,
 Съ якомъ ихъ сердцемъ бѣдите витати?
 Скажи дружино! — снѣ другъ твой въ розлуцѣ
 Зайде самотный въ далеку чужину; —
 До тебе довго не приходять вѣсти.
 Ты слезы ронить, — и тужишь въ розлуцѣ;
 Уже чутка ходить: „же може загинуть?
 Дармо плешъ части и сердечни листи:
 Потомъ, коли ся наймишь сподѣваешь:
 Нѣбы виалъ зъ хмары, — въ двери закалаче!
 Скажи дружино! якъ ти сердце скаче?
 Чи го устами, — чи душевъ витаешь?
 Скажѣтъ! — Бо такъ ся въ радости розпамли,
 Бѣдни Иноки, — страшнымъ случаю;
 Такъ ся витали! — скоро ся узрѣли!
 Скажѣтъ! Бо я такъ сказати не знаю;

СОННЕ ВИДѢНІЕ.

Вже геть геть сонце зъ полудня схилено,
Нїмъ розповѣли — съ взаимни пригоди:
Якъ зъ брусныхъ дверей принаймїви безъ шкоды
И съ житьямъ вийти имъ ся поцѣстило!
Якъ знайти прагли пожадавни воды!
Другу за другимъ якъ сердце тужило?
Якъ Пахомїя нѣчны невыгоды
Туть сномъ зморилъ? И що му ся снило:
„Гдєсь по премотахъ, — по зливѣ и тучи
„Якъ стовпъ спиналъ въ гору бовдуръ мракъ?
„А въ него вперли иси сонця лучи,
„Чудный творили облаками знакъ,
„А надъ самъ потокъ дуга ся схилила;
„И зъ вго струевъ чисту воду шла!
„Воинный жертвенникъ розламавлять Ноє,
„Пѣславни въ звѣзды два голуби сини,
„Жертвовалъ Богу вдичне сердце свое,
„Що вяръ потопа набѣгли щастливи! —
„Мы два въ долині, якъ агниа въ блудѣ,
„Варокъ утошвили въ тѣмъ небесїмъ чудѣ,
„Къ потоку хижимъ посиѣшаемъ кровомъ,
„Щобы пѣзнати, — що за Божа сила,
„Въ тѣмъ дуга хутко надъ насъ ся схилила,
„Обляла свѣтломъ, и потягла цмокомъ. —
„Въ нѣмъ ми збудило тото сонне диво,
„Но хоть сонъ правду не знає сказати!
„Однакъ, подобный съ всемъ нашей доли;
„Отъ! незавадить брате стрѣбувати!
„Ходѣмъ въ той потѣкѣ! — чей на Божой волн,
„Тамъ нашей цѣли достушимъ щастливо!

„Отъ! рѣка! потѣкъ! — а побѣчь двѣ горы!
„Такъ само! — якъ намъ порадишь Архорій!

ПОТѢКЪ СКИТЕЦЬ.

Встали зъ починку, — а надѣя мила
Радости слезовъ око наполнила,
А сердце въ грудехъ било якъ зегарокъ;
Минули борпие, зарѣнокъ и ярокъ;
И пригостили до Маявки броду:
Просто где потѣкъ зъ помежи гѣрь грае,
Нѣбы по сходахъ въ рѣчку ся спускае,
И съ невѣ случае свою чисту воду!
Але тамъ воды хоть въ одномъ корытѣ,
Чомусь стороняць нѣбы зворовлени,
Єднымъ ложницемъ, и по едиѣй плитѣ
Ще зъ пѣвъ години пливуть розлучени,
Такъ, — що сли хтѣлбы-сь добре ся вдивити,
Мѣгъ- бысь ихъ всюда пасмомъ подѣляти!
Дивну причину, чудного зъявиска,
Заразъ Ниоки розпѣзнали зъ блиска:
Бо скоро стали по правѣй зъ приходу, —
Зъ пасма рѣчного на вагу поклали:
Вага съ водою, спустилась двѣ цали;
Туй туй нещерску вырѣвнала воду!

НАХОДЯТЬ ВОДУ ПОЖАДАННУ.

Но якъ зачерли, — ажъ на лѣвомъ боцѣ,
Зъ другого пасма — при самѣмъ потоцѣ;

Великій Боже! — дивна Твоя сила!
Заразъ вага ся въ долину схилила!
Въ гору, съ Пещерсковъ боклагъ ся подноситъ!
Туть! край гостини Пнокѡвъ голосить,
Вѣчае труды, — исполняе Вѣру!
Дае притулокъ, — мѣстце Монастыру!

Кто зъ письма знае Израила долю:
Якъ, опустивши Гинта неволю,
Фараонъ гордый притисель го въ пустыни,
Смерть и оковы несель цѣлому племю;
Якъ потѡмъ чудно Моусея руками
Посередъ моря, — якъ помежи стѣны
Ведень на берегъ сухими стопами?
Якъ виталь вѡльнѡсть и беспечну землю:
Якъ понуривши Фараона въ мори,
Пѣсьми побѣды гомонѣли горы?
Або вернувши зъ надъ рѣкъ Вавилона,
Якъ виталь грузи любого Сіона;
Такъ наши Черницы витали долину,
Витали потѡкъ, — вижки его струи;
Бо туть скѡнчили далеку гостину,
Туть осягнули святи цѣли свои!
Съ яковъ покоровъ на колѣна виали?
Якими усты землю цѣловали?
Съ яковъ утѣховъ важку воду пили?
Скрапавли шаты и лице обмыли,
Якъ ся молили благодарно Богу?
Того достойно сказати не могу!
Бо где чувствѣ только разомъ ся скупляе,
Тамъ языкъ людскій словъ недостарчае:
Досить! ихъ доля въ снѣ ся малювала,
А туть на явѣ правду показала!

Бо столпъ изъ мраки въ небо ся пшелячій,
Значить жарь сердца подяковъ горячій!
Той знакъ на небѣ, — ясни сонця лучи.
Промыслу Бога все видяци очи;
Що замыслами Божихъ слугъ кверують,
И надъ ихъ долець неостанно чують!
Дуга, то знамя Божой поруки
Що вже врагамъ ихъ недасть больше въ руки,
А Ное! образъ: якъ потопъ ужасный
Не похланулъ го, — такъ имъ успѣхъ щастный!
Борбу закончатъ съ вѣнцами побѣды,
Переборовши пекла диволады!

БЛАЖЕННЫЙ КАМЕНЬ.

Въ тыхъ торжественныхъ чувствій поломѣни
Сплалъ имъ остатокъ сей памятной днини!
Сумракъ зъ долины палъ ся надъ горъ щиты,
Щобъ свѣтло сонця въ облакахъ згасити!
Тогда ажъ Черницы почали гадати:
Що въ тѣй пустыни — нѣ села нѣ хаты!
Кобы хоть въ корюхъ, — або коло палты
Знужену на ночь голову склонити!
Тыми гадками запрятавши мысли
Горѣ потокомъ вскрѣсь хабинкѣ ся тисли,
Ажъ где ся боки Скитского провалу,
Чимъ разъ то вужше зближали по малу:
А густы корчи проходъ затыкали,
На мху, — подъ сосновъ, — нѣчлягомъ стали.

Мигка мурава! и боклагъ и свита,
Як ожить треба подорожнымъ ложа?

До того радѣсть! постѣль належита! —
Не вденъ имъ бы задростилъ вельможа! —
Оддали Богу вечерни похвалы:
Лягли и булибы солодењко спали;
Но якійсь шелестъ надъ ними въ обочи
Недалъ ихъ снови твердо вколисати:
Цѣлу нѣчь мрѣли, — и жмурили очи!
И нѣчь минула, — анѣ рушъ — заспати!

Скоро звѣстуны молодой диним
Нѣчныхъ маръ решту въ гуиць позаганыли;
Черезъ вершочки въ затѣни долини
Цѣкавымъ окомъ туй туй заглядали;
Заразъ Иноки опустили ложе,
И повитали пѣсньми свѣтло Боже!
Потомъ къ обочи поступили смѣло;
„Що тамъ надъ ними вскрѣсь нѣчь шелестѣло?
„Кто имъ подъ бокомъ такую псоту правилъ?
„Не далъ заснути, — и ночи позбавилъ?
Гадокъ богато! а мала дивниця! —
Жадного Черницы незнайшли страпила:
„Скала въ обочи, а подъ невъ кирниця;
Зъ котрой струя по камѣню плила!
Хогьбы ся въ жменю змѣстила водниця,
Скоро ю Черницѣвъ здибала зѣниця,
Нововъ утѣховъ грудь ихъ наполнила.

Бо скалы пространь, — спокойной затѣни,
Творила въ глубень, и побѣчь, три стѣны;
А на нихъ плита нѣбы стеля сирта;
Сподомъ подлога камѣнна простерта;
Але зъ переду, где стѣна четверта
Мала стоити, — тамъ пространь отверта!

Чи тому хатку начиньомъ изъ стали
 Въ скалѣ той людски руки выкували?
 Чи для чій-огось спочинку, — выгоды,
 Такъ зъ рукъ выйшла вѣчной природы?
 Надъ тымъ ся въ умѣ рожна гадка будить,
 Минае правду, — и въ домыслахъ блудить!
 Але певнѣйше асть свѣдоцтво ока:
 Що цѣла хатка, — то една опока!
 Не дрѣбни плиты, — анѣ грубши брылы
 Въ одну ся цѣлость штучно излѣпили!
 Посередъ хатки, — при самомъ порозѣ,
 Або принаймнѣй отъ порога зъ близька,
 Въ твердой изъ природы, и гладкой пѣдлозѣ
 Стоитъ кирничка, кругленька якъ миска:
 Ровно и гладко выточена въ брылѣ,
 Гейбы токарь ю выкружлялъ въ точилѣ!
 Безъ скалубины, — на днѣ безъ норы;
 А вода претицѣ сичить до горы!
 Такъ, що студена, кирничка чудовна,
 Хоть пий и черпай, — завсе воды повна!

ПРИТУЛОКЪ ЧЕРНЦѢВЪ ВЪ БЛАЖЕННОМЪ КАМЕНИ.

Чужостороннымъ Гостямъ въ той пустыни,
 Блуднымъ Пюкамъ, безъ хаты, безъ стрѣхи,
 Щожь могло больше принести потѣхи,
 Якъ сухий кутикъ той скалубины?
 Бо и подъ ялицевъ смачнось спало доты;
 Но гдежь ся дѣють, якъ настануть слоты?
 Тутъ цѣль гостини, — тутъ дороги мета,
 Далѣй ступати, — отси вже не лзя!

Якъбы не тая въ каменн прикмета,
Въ цѣлоѣ долині, притулку не ма!
Отжежъ! въ скалѣ, той тѣсный закамарокъ
Собѣ обрали на смириеньку хату!
И якъ за свѣтлый, небесный подарокъ,
Якъ за выгоду, — коштовну палату,
Отъ сердца Богу поблагодарили,
И середь вя стѣнъ ся розгостили,
А на памятку, тыхъ чудовныхъ знаменъ,
Имя надали ей: „Благословенный Камень!“

Первый початокъ газдѣвства нового,
Якъ то за звычай, — тутъ булъ убогій:
Въ цѣлоѣ пещери не было нічого;
Лишь: — тверда постѣль посередь подлоги!
Нѣ стола, — лавы, — нѣ якої судины:
Лишь: боклагъ, книга, костуръ подорожный!
Съ водовъ кирничка, — и три голи стѣны,
А съ режтовъ пустка! каждый куть порожный!
И въ хатцѣ холодъ, сли зъ надвору дуло!
Бо стѣны зъ предку, и дверей не було!

Каждый зъ насъ нагн на сей свѣтъ приходитъ.
И той булъ бѣдный, що нинѣ всео мае:
Праця зъ ничого маетки розводитъ:
Живый праце, и живе гадае!
Якъбы въ пустыни можна прогнѣти? —
Или ся Черницы газдѣвствомъ журвити!
„Щожъ за спочинокъ — хатина безъ лавы?
„Претцѣжъ по трудахъ здалобы ся сѣсти!
„Духъ же правдовъ! Но тѣло безъ стравы
„Нѣщо не варто! коьче хоче ѣсти!
„Якъ прїѣде осень, и зима завзѣта,
„Въ хатѣ безъ дверей, чи загрѣ свита?

Хоть Духъ Никогда спочиваетъ въ Божѣ,
Только ты спочуешь кости по подлостѣ?
Безъ тыхъ потребовъ и житье Ниоче,
Якъ долго въ нуждѣ вытравати хоче?
Акто богате, гостѣбу мае швидку, —
Же осень близко, дае холоду знати;
Сли знаа долга не знайде забыту,
Щожъ за хосенъ нѣкъ зъ каменной хаты?
Черницъ хоть Божи, — але земски — люде!
Сли на часъ прикрѣи неложили сирѣтку,
Сли не будеш до того розигнати,
Щожъ тогда бѣдни ваютъ почиати?
Бо кто лишъ весну въ часъ обнарувати
Невстигъ, — и зерноу ниву не засте,
Кому стебло ся не зазеленте;
Золотый колосъ, повийи не жовтѣе;
Якъ приде живо, — щожъ онъ буде жати?
Въ гувно подъ осень, що буде збирати?
Где дика пуца, глухи темни горы,
Чимъ наводнитъ онъ стодалы, — коморы?

Но! гада дѣщий же гдесъ тамъ въ Небѣ!
Притонный каждый, своихъ слугъ потребѣ,
Той! що промыслонъ долю всѣхъ вѣруе,
Той! що дробожка итнимъ поднебесны,
Хотѣи не орють, — не сѣють на веснѣ,
Приодѣває и чимось годуе!
Той! що на поли самородни цвѣты,
Хоть неумѣють нѣ праста, — нѣ гкати;
Въ богато красши — и свѣтлѣйши шаты
Якъ Соломонъ магъ — знае приодѣти!
Той свои слуги, въ глубокой пустыни
Где розжочали дѣлю Его славы,

Въ зимѣ не лишитъ ихъ безъ одежды,
А въ прикрый голодъ, безъ хлѣба и травы!
Для ихъ потребы, пожитку, выгоды
Сама пустыня не пуста, не гола,
Бо и тамъ на лонѣ матери — природы,
Хлѣбъ, и одежда, множатъ ся до кола!
Таковъ надѣвъ, скрѣплени Иноки,
Цѣлкомъ на Божій промыслъ ся издали;
И въ той пещерѣ бѣльше якъ три роки
Такъ ся живили, и такъ одѣвали:
Въ бокахъ ѳдсона збирали суницѣ:
„Красни, — румяни, — ажь имъ запахъ милый!
„Въ гуцахъ затѣняхъ, — ожины, черницѣ,
„Не разъ по корчахъ проходъ загатили!
„По надъ потоки, малины якъ плѣтъ!
„Вкуси! солодка, въ устахъ ся розплыла;
„По подъ смереки тма яфинъ лежитъ,
„Що ажь ѳтъ нихъ ся земля засинѣла.
„Мѣстцями зъ грушки, зъ дикон яблони,
„Натрясуть густо овочей якъ рѣни,
„Орѣхъ дастъ лѣска здоровый смачный,
„А букъ достаткомъ жиру на олѣи!
Съ дождемъ тепленькимъ прозябае грибъ,
Рѣка и потѣкъ достарчаютъ рыбъ,
И скотарь часомъ, якъ зачуе чутку,
Що въ той долини мають Черницѣ жити,
Принесе вурды, або сыра грудку,
И свѣжон ся жентицѣ напити.
Тымъ напн Черницѣ голодъ покоили,
Жажду гасила зъ керницѣ вода;
Репгу добытку на зиму сушили,
И щожъ имъ зробитъ въ пустыни бѣда?
Въ кимъ чисте сердце и совѣсть спокойна,

Тому и пуца въ поживлѣнъе гоина :
А радъ зъ малого , — богато не багне ,
Бере съ подяковъ , що рука дастъ Божа ;
Що не варить окомъ , сердцемъ не запрагне ,
Щастливый въ пуци , якъ инде Вельможа !

ВНУТРЕННЕ УПОРАДКОВАЊЕ БЛАЖЕННОГО КАМЕНЯ.

На сушенну и всякій добытокъ
Мали при хатцѣ саморѣдний спрятокъ :
Глубоку яму въ плиты скалублинѣ ,
Много певнѣйшу якъ богачей скринѣ .
Вжебы якось ся перебуло голодъ ;
Але що буде , якъ прійде зима ?
Якъ до хатины завнтае холодъ ,
А ту ни дверей , — ни печи нема !
Ба , и стѣна ще четверта бракуе ,
А осень вже ся до зимы хилить ,
Щожъ , — якъ шаруга , съ морозомъ подусе ,
И снѣженцевъ день бѣлый затьмить ?
Кто Бога просить , зъ розума не збочить
Поможуть руки , доки ще живи ,
Туть урве трохи , — тамъ зновъ надгорочить ,
Претцѣ дастъ розвѣдъъ своѣй головѣ ;
Немали бѣдни Пюки сокиры ,
Щобы якъ нибудь захистити дѣры ,
И поробити ѳтъ вѣтра загаты ,
При томъ ни свердла , долота ни пилки ,
Щобы при вѣльныхъ проходѣ на двѳръ
Попрививати зъ кѣмача одвѳрки ,
И припустити хоть леда заплѳръ ;

Але въ пригодахъ , — где бѣда докучить ,
Сама потреба насъ розуму учить ;
А где ся навѣтъ иѣкому не силю ,
Мала причина зродить важне дѣло .

Мавъ Жоанникій ножикъ на припонѣ ;
Правда , — маленькій , скриль - бы ся въ долонѣ ,
Тупый на острию , и не здѣбный , хиба
Часомъ мягкого укроеи хлѣба ;
Тымъ , для потребы , потягши на брусѣ ,
Рѣзали прутье зарѣнкове въ лузѣ ,
Кѣле ; — лѣщину , где можна ломали ,
А свидовате сподомъ пѣдтинали ,
Зѣ того двѣ лѣски , силѣвши на загату ,
Огъ простогону захистили хату ,
По серединѣ вузоўки ворота ,
Примкли , гей дверми затулокъ изъ плота ,
Же плѣть негоденъ , — вѣтеръ студень смерти ,
Муѣли лубя зѣ днѣ , смерековъ дерти ,
Зѣ ивы , лозины ужевки крутити ,
И тымъ якъ шкѣровъ , загату обшити .
Мхомъ , що вкрывае береги и яры ,
Позамыкали щелины и шнары :
А же кѣль въ камень , не дасть ся забити ,
Дали подпоры , зѣ спорыхъ куснѣвъ плиты ;
Ще доробили замокъ до зашору ,
Завязку зѣ лыка , и колокъ зѣ запруты ,
Щобы хотъ трохи двери прищещути
А такъ вже хата готова зѣ надвору .

А въ серединѣжъ ? Всьо то безъ чого
Анѣ Чернець ся обийти не може
Зѣ матеріалу , зробили одного :
Столъ , пѣчь и лавы , полицы и ложе ,

Зъ саморбдного, Божого створѣня :
Зъ куситвъ опоян, зъ твердого камѣня.
Столъ — спорый камень въ самой середнѣ, —
Печь — чтыры плиты, при самой керницы
И лавы зъ тогожь, выжъ нихъ въ скалубнѣ,
На каждый спрятокъ, выгбднн подицы.
Зъ шувара перовъ поплели рогожи,
Сѣтннкъ ячарный повязали въ маты,
Тверде рогожевъ застеллая ложе,
Матами вскрыли стѣны отъ загаты.
А щобы змякли тверди скаловъ брылы,
Мхомъ и сухнмъ ихъ лнствомъ пристылали !

На столѣ Крестнкъ, знамя обороны,
Що го Пахомій тутъ принёслъ на шнѣ;
На стѣнѣ поббчь чудовни Иконы,
Тутъ Спасителя, — тамъ Дѣвы Марн,
А яко знамя вѣрнаго звычай,
При нихъ ще образъ Отца Николая.
Всю въ пошанбвку — боклагъ и кннгн,
Рѣсно зъ васнльку звязане кропило,
Щобъ нымъ прогнати рыбака набѣги,
И посвятити кажде нове дѣло.
Щобы прагнуци, зъ чудовного здрою,
Не — пригорцами черпали напою,
Где зъ скла и глинны начиня не видко,
Черпачка зъ тнквы була пнньетко !
А щобъ въ потребѣ огонь розложити,
На чтырохъ брылахъ шерокон плиты
Сухи деревця едно въ друге терли,
Потбмъ зъ порохиѣ губки си надерли,
Зъ старого буха наломавши чыру,
Скалку кремѣнну злунали подъ мѣру,

А тупымъ бокомъ ножика изъ стали,
 Въ каждой потребѣ огня си кресали.
 А при той ватрѣ щоденни приправы,
 Пекли на грани, на каменнѣмъ кружѣ,
 Або немавши варенои стравы,
 Замѣсть въ горняти — пражили що въ спузѣ.

Тымъ могли прикрый голодь поконтити;
 Але, якъ люта потисне зима,
 Чимъ тогды грѣшне тѣло приодѣти,
 Коли крѣмъ свиты, — нѣ руба нема?
 Але той Промысль, що живилъ ихъ що день,
 Щобы котрый зъ нихъ зъ голоду не згинувъ,
 На тверду зиму, и на люту студень,
 Приобрѣлъ нагимъ теплу одежину.

ПЕРВШЕ ЗАПОЗНАНІЕ СЯ СЪ ЖИТЕЛЯМИ ГОРЬ.

Жилъ при Манявки урочѣй долинь
 Въ многій добытокъ богатый скотарь;
 Що зъ трохъ зимовокъ геть на полонинѣ,
 Хоть триста дробу выганялъ на ярь;
 Того сынъ — легѣнь, гей калина въ лузѣ,
 А ще до того въ родѣ одинакъ,
 Марнѣлъ и нидѣлъ, валаъ ся въ недузѣ:
 Чи гдесъ въ ночи ся чогось перелякъ,
 Чи го взяли ся зѣдуци уроки,
 Чи якусь натху съ водовъ зимновъ спилъ?
 Чи даня дали дѣвки масноокн,
 Чи му ктось зъ рани стежку подолялъ?
 Чи чарѣвницы выучени въ Кливѣ,

Мовѣ дѣтвицю на него наслали?
 Чи молодицѣ пусты, — чорнобрывки,
 Бѣднимъ го зѣломъ гдесѣ очаровали?
 Чи вовкунь подтиль, чи вѣтеръ подвѣвль,
 Чи го пошибли ночни опирѣ;
 Хоть Отець бѣдный незнати що дѣвль,
 Не отгадали мудри дѣкарѣ!
 Где? що? нѣтъ вѣсти! радыли му люде,
 Якъ сѣбный плота ради си ханалъ:
 Тратилъ дны свои волочилъ ся всюди,
 И працю свою марно розсыпалъ.
 Анѣ знахарѣ той, що на небосклонѣ
 Рахуе звѣзды и бере въ долонѣ!
 Анѣ вѣщунѣ той, що передъ зѣрницею
 Тверди примовы шепче надъ керницею,
 Кажду злу хвилию въ цѣлѣмъ роцѣ знае,
 Съ вѣтромъ, съ деревомъ мудро розмовляе;
 Нѣ тотъ вѣдьма, що зѣ рани на Юрѣ,
 Простоволоса, таи ще безъ сорочки,
 Полѣзе комѣтъ по гладкій фѣгурѣ,
 Зубами здойме свичены вѣночки;
 А на Кунала, коли лощухами,
 Обмаять стрѣху — она ще при зорн
 Слѣды збирае, всюди за стопами
 Рахуе въ плотѣ кѣле и подпору;
 Нѣ чарѣвница и ворожка — нѣколи,
 Хоть на науцѣ зубы си приѣла,
 Хоть мудра выйшла зѣ рыбаковой школы,
 Отцю въ потребѣ правды не впоѣла!
 Хоть до всходѣ сонца святои неделѣ
 На полонинѣхъ подѣ бердомъ въ обочи,
 Десятосильне избирае зѣле,
 Въ девяти водахъ другій день полоче,

Потѣмъ на межахъ, въ пѣвночъ на вѣвторокъ,
Галузки звяже въ сѣбночки по сорокъ,
Въ новомъ горнитку на грани зъ тернины
Челюсть залѣпнть и пражнть до днини.
Що на голову востромивши дѣйницю,
Въ девяти бродахъ черпае водицю,
Кропнть выгоны, пащу и обору,
И пѣдливаетъ, съ набѣломъ комору,
Що пропастницю студень и горячку
Зеломъ ѡдмые — на лѣсы ѡтмовнть,
Бабицъ лютн пшономъ ѡтварнть;
Що замацае черякъ и болячку,
Угъе искнне, на гостецъ прнмовнть,
Ружу гостцеву влючомъ испалнть!
Анѣ знахаря, що карты кндае,
И тымъ дѣвчатамъ, котрымъ цвѣтъ маѣвнй
Зѡвляе на личку, — часъ поораль ровы,
Часомъ прнпадкомъ долю ѡдгадае,
Скутечне зѣе и купель порадрнть,
На обѣстя нмъ сватачѡвъ спровадрнть;
Въ лицн прнграднть нескусну уроду,
И парубочкамъ голову заверне;
Въ тяжкнхъ прнпадкахъ ѡдпнускае шкѡду,
Знанде злодѣевъ, и згубу оберне;
Пѡдганяе всякн перепоны
И покмѣтуе ѡ бездѡльныхъ доли,
Чнтае щастье въ пасмахъ на долонн,
И ѡдгадае въ купкахъ на фасолн!
Всн тоты жоны, розумнн до всего
Тоты глубоко учени знахоры
Незнаншли въ своей головѣ нѣчого,
Якъ до здоровля моръ - бы прнйтн хорый!
Навѣтъ незнали ближше показати,

Коли, — и ѳтки, зъ чїей руки ?
Мѳгбы журливый Отець опытати
Нуждному сыну скутечни лѳки!
Однакъ ся тратиль, вышенталь мошонку,
И не единого судо обдариль;
А не анайшовши хорому старунку.,
Ходиль край свѳта, пыгаль-сь и журиль —

НАХОДИТЬ ПОРАДУ.

Ажъ гдесъ въ кѳнчинахъ красного Подгѳря
Служиль при Церквѳ мудровѳщїи Дякъ :
Що якъ прокинулъ карты у Псалтыря,
Сробиль надъ ними якїисъ тайный знакъ ,
Потѳмъ на ослѳнїи свнщениовъ игловъ
Помежи карты зъ боку уколовъ, —
Тамъ ся списани стороны втворили,
Где слова Божи правду говорили,
Скоро отрималъ Дякъ съ поклономъ дары,
Заразъ на просьбу Скотаря усилюу,
На нѳсъ вложивши честни окуляры,
Игловъ свнщениовъ щастя стрѳбуваль,
Отвориль нею книгу Неомильну
Прочиталъ зъ тоижъ слѳвъ твердыхъ два шары, —
И задумавшисъ въ голосъ ѳдозвалъ:

„Ты! тѳлько свѳта блуднымъ змѳрилъ крокомъ!
„Але надармо твои всѳ подвиги!
„Менѳ такъ каже указъ сєи книги!
„Що твоему сыну лѳвъ паде : нѳдѳ бокомъ!
„Якїисъ два мужи зъ чужої кранны,
„Тутъ загостили, — нѳббы въ землю нашу,

- „И гдесъ посередь красной долины
 „Осѣли близко твоего салану!
 „Якусь тамъ напасть претерпѣли многу,
 „Теперь беспечни подь промысла окомъ
 „Жіють спокійно, — вѣрно служатъ Богу
 „Въ якійсь пещери, — близко надъ потокомъ!
 „Якусь тамъ воду мають дуже силу,
 „Чи то зъ керницѣ, чи може зъ рѣки?
 „Достъ! книга каже правду неомыяну,
 „Що тамъ твоему сыовни лѣки!
 „Сли маешь Вѣру — жичишь добра сыну.
 „Офѣруй Богу тяженьку пригоду!
 „Спѣши до Божихъ слугъ въ тоту долину:
 „Дай на Акафистъ! — и освяти воду!
 „Але Акафистъ най правлять оба!
 „Воду Јордањску зъ Требника старого
 „Най святятъ твердо, — кленуть духа злого!
 „А вѣруй брате! нѣмъ мине доба,
 „Пирснуть завзятой недуги оковы,
 „А сынъ твой верне до дому здоровый!
 „Лише най воду въ пѣвночи святятъ!
 „И кроплять рѣсно ѳтъ чола до пять!
 „Най книговъ сильно по головѣ бьють,
 „А певно злого духа ѳтженуть!
 „Ворѳгъ! що слугамъ Божиимъ пакѳсть броня,
 „И ихъ въ дорозѣ тяжко непоконалъ
 „Той очепилъ ся твоей дѣтны,
 „И то невинно зъ марной причины:
 „Що зъ нихъ одному дорогу порадила,
 „И розлученыхъ до купы спровадила,
 „Що вывелъ гостя зъ тяжкой потребы,
 „За тое злобный Духъ го обезсилля;
 „Але ты! вѣруй же оружя Боже

„Цѣлого пекла силу переможе!
„Вѣруй! бо такъ ми книга повѣдав,
„А слово Боже чей не опукав!

Гейбы му камень тяжкій зъ грудей зная
Гейбы му грошей мѣхъ подаровадъ!
Гейбы го разомъ всадила на сто коней,
И цѣле щастья, вже тримала въ долони
Гейбы прибуло три гурмы овецъ;
Такъ ся толь радовъ, утѣшилъ Отець!
Гей криломъ птицѣ, — нѣмъ вилось смеркати,
Занѣсь потѣшну вѣсть до своей хати;
А ѓдночивши, — о пѣвнѣи вечера
Съ сыномъ недужнымъ вдалъ ся до пещеры!
Але инакше правило Иноче;
Якъ тамъ Дикови казала Псалтыра:
„Щобы святити воду о пѣвнѣи“
Такъ насъ не учитъ православна Вѣра!
Муслѣвъ радъ нерадъ до рани чекати
И подъ пещеровъ на муравѣ спати. —

Але ще куры второй разъ не пѣли,
Якъ Черицы гостей пѣсньми пробудили:
Бо лишь первосны легко переспали
Зъ пѣвнѣи схибулъ всеный знакъ ченигъ,
Взбуджени заразъ на колѣна впади,
Полунощницю зъ святыхъ чтили книгъ;
Близько розсвѣта, — якъ лучи зорницѣ
Вскрѣсь лѣсь досягли твердыхъ хатки стѣнъ,
Лице умивши водою зъ керницѣ,
Утреннии пѣти розпочали Чинъ;
День молоденькій и сонце при всходѣ,
Птичонъ лѣсовыхъ первши голоса,
И житье свѣже въ прекраснѣи природѣ

Витали ревно дневными Часы; —
 Нѣмъ чисту росу выпила мурава
 Сонце въ тры жертки надъ лѣсъ пѣдишло;
 Вже Обѣдницы ѡтишла ѡтирава, —
 Бо Литургии въ скалѣ не було! —
 Скотарь, що свѣтло Христовои Вѣры,
 Трохи гдесъ зъ людскихъ повѣстей пѣзналъ,
 И ѡтъ Дика ся правды изъ Псалтыри,
 Другихъ звичавмъ, и самъ запыталъ;
 На топѡръ спертый, слухалъ за порогомъ,
 И чудувалъ ся въ томъ дивненькомъ дивѣ;
 Що Черницѣ вскрѡсь нѡчь розмовляли съ Богомъ,
 И въ бѣднѣй хатцѣ здавались щастливи!
 Въ головѣ своѣй, немѡгъ помѣстити:
 Якъ можуть щастье знати въ Божомъ словѣ?
 Бо его щастье: „Кошары, калиты!
 Бо его Вѣра, въ ворожокъ примовѣ!
 А ихъ пещера, — и притерти свиты!
 Въ нуждѣ богатство! — въ голодѣ здоровье,
 Въ щастю покѡрни, — а въ нещастю сильни,
 Правой то вѣры знаки неомильны!
 Осмѣлевилъ ся ближше приступилъ,
 Здоймилъ кресаню, голову схилилъ,
 Повиталъ чемно, якъ газдѣ пристало,
 Свое нещастье. що го тутъ пригнало,
 Ревными словы Черницимъ розповѣлъ:

„Отцы Духовни! пресвѣтлы коруны!
 „Пріймѣтъ ѡтъ мене сердечни поклони,
 „Мене ще вчера зъ вечера сюда
 „Темной ночи пригнала бѣда:
 „Маю дѣтину сего легѣня
 „Едного въ родѣ, якъ едно имя,

- „Того якась ся нужда оченила,
„Зсушила тѣло, и кости звянула,
„Отъ! ковириѣ, злидиуе свой вѣкъ,
„Нѣкто не може трафити на лѣкъ,
„Вжемъ находился, по свѣтѣ ци и мало,
„Где кто що каже, — трѣбую, пытаю,
„Але на дармо працю розсипаю,
„Майже ми далѣи, и дорѣгъ нестало;
„Вже обиншоль емъ цѣлѣське Подгѣрье,
„Где прииду каждый говорить инакъ;
„Ажъ геть далеко въ православномъ мирѣ,
„Знайшоль знахарь ся, — сѣдоглавый Дякъ.
„Що якъ прокинуль карты у Псалтырѣ,
„Вычиталъ зъ неи и порадилъ такъ:
„Щобымъ шукалъ ще тутъ у Васъ помочи,
„Далъ освятити воду во полночи;
„Казалъ: що нѣмъ ся трича день оберне;
„Сынъ мой зъ рукъ Вашихъ здоровый поверне!
„Того я въ вечеръ калаталъ у двери,
„Щобосьмо заразъ приступили къ сиравѣ,
„Але Вы спали посередъ лепцери,
„И отворитя, не буди ласкави,
„Але теперъ хоть мною не гордѣть,
„Хорому сыну воду освятѣть!
„Тверду Јордањску зъ Требника старого!
„Лишь му здоровѣе первше приверитѣ;
„Дамъ Вамъ маетку половницю свого!
А призбиравши бѣльше ченныхъ словъ,
Всѣ гадки свои Черницямъ розповѣлъ!
На тое Черницѣ таке рекли слово:
„Житѣе Ночѣ до послугъ готове,
„Святити воду, есть Церкви правило,
„Молитвы Божи дають хорымъ лѣкъ;

- „Но щобъ ся тое въ полночи чинило,
„Того неучить церковный Типикъ,
„Шукати Бога за порадовъ Божка
„И куповати грѣшми Божій даръ,
„Святити воду, бо каже ворожка,
„Або зъ Псалтыря читае знахарь;
„Вѣруй! тымъ путемъ до Бога не зайдешь.
„Богъ такій справѣ не наклонить слухъ;
„Лѣкѣвъ для сына хорого не знайдешь,
„Грѣху не злякнешь злолюбивый духъ!
„Во и знахарь той, що радилъ зъ Псалтири,
„Гейже немає самъ правон вѣры,
„Щось ѓгъ Архора муслѣлъ гдесъ зачути!
„И въ тимъ, здаеся, тебе збаламутилъ!
„Сли маешь вѣру, але вѣру праву,
„Сли - сь православный дѣломъ Крестянинъ;
„Сли - сь крещенъ духомъ по церкви уставу,
„И въ тѣмъ обрядку твоѣи зрастае сынъ;
„Въ передъ годить ся душу очистити,
„Грѣхи чрезь тайну Сповѣди вповѣсти,
„А тогды воду хорому святити,
„Въ чистотѣ сердца и въ правѣи совѣсти;
„Съ тымъ живу вѣру розумно случѣмъ!
„Не въ нашу мудрѣсть, — але въ слово Боже!
„Сильну надѣю разомъ получѣмъ,
„Не въ часѣ ночи, — не въ рѣснѣмъ кропалѣ,
„Не въ твердомъ словѣ, — въ Трєбнику старѣмъ,
„Але, въ молитвахъ, — але въ Божѣи силѣ,
„И въ постѣ, натще воду освятѣмъ;
„Постъ и Акафистъ, и вода поможе!
„Заплату брати? То пуста мамона!
„Бо ласка Божа не мае цѣны!

„Примѣръ страшливый, волхва Симеона,
„Смерть нечаянна огідной вины!
„Сли хвалу Богу хочешь помножити:
„Богъ прійме жертву, що зъ серця походить;
„Сли дашь чимъ нашу наготу прикрити,
„Пріймемъ съ подяковъ, и Богъ надгородить

Розумне слово, що зъ усть Черницѣвъ плыло,
Вдячно скотаря пріявъ умъ здоровъ!
Въ головѣ свѣтло правды розсвѣтило,
И Божа сердце загрѣла любовь!
Бо нескажена простота природна,
Ложнымъ облестивымъ мудроваемъ свѣта,
Якъ буйна нива, отъ терній свободна,
Сли ю доць теиый скроить середь лѣта;
Всяяне зерно буйненько изродить,
Працю рукъ нашихъ встокротъ надгородить!
Око веселе и бесѣда мила,
Що прикрашала Пнокѣвъ лице,
Плоху несмѣлость въ немъ розсмѣлевила,
И що лишъ зналъ где, вышовѣлъ имъ все!
Зъ повѣсти тои повзяли Пнокы
Вѣдомѣсть лучшу недоступныхъ горъ:
Же въ тыхъ долинахъ, въ тѣи луци глубокии,
Христа незналъ ще первобытныи мѣръ!
Що ся невиннымъ тымъ дѣтемъ природы,
Черезъ Крестъ святый Небо не отверло,
Вскрѣзь густы боры до ихъ загороды
Свѣтло правды Божихъ, ще ся не продерло.
Що манѣвцями въ темностехъ блудили,
По невѣрствія зводливыхъ стежкахъ,
И офѣрами мертвыхъ Боговъ чтили,
Правды шукали въ ложныхъ ворожкахъ,

Обѣщаль дѣлѣи святыми водами,
 Обмыти съ сыномъ первородный грѣхъ
 И зъ горь сосѣдовъ своихъ громадами,
 Въ крестъ святой разомъ ввести всѣхъ,
 Бо всеъмъ былъ знаный, якъ гадда статечный,
 Человѣкъъ правый сотный богатырь.
 Не робилъ кривды, и не суперечный,
 Малъ имя честне вдовжь и въ ширь!
 На его раду, и розумне слово,
 Найтвердше сердце змигнути готово!
 Тогда Пахомій водою зъ пенцеры
 Скотаря съ сыномъ рѣсно обмылялъ,
 И крещеніемъ прилучилъ до вѣры,
 Въ живота вѣчну книгу записалъ:
 Заразъ взяли ся грѣховъ сновѣдати,
 Якъ Апостольскій насъ учить уставъ
 Такъ слуга Божій въ невиености шаты
 Двоухъ людей грѣшныхъ на ново прибралъ;
 Потомъ слабого посадилъ на панту,
 И святу книгу ревню розтворилъ,
 Щобы прогнати хоробу завъзету,
 Зъ сердца ся съ братомъ помолилъ.
 И Акафисты въ двойку отсиѣвали,
 По святомъ Церкви восточной звычайю,
 Въ ползу слабому для Божой хвалы,
 И Спасителю и Отцу Николаю;
 Скоро недугу твердо заиритили,
 Духа заклали молитвами строга,
 Рѣсне кропило въ керници змочили,
 И въ Троици знамя скропили слабого:
 Поточилъ пѣну и напружилъ жилы,
 Зацѣпилъ зубы и на землю вналъ,

Крикнулъ — ажъ стѣны хатки задрожели!
Такъ ся Духъ зъ него злобный одозвалъ:

- „Туть мя найшлисте вороги тяжеьки!
„Ще передъ Вами сей разъ утѣкаю;
„Але си тямте! До вѣка отъ ныьки
„Тяжеьку кривду Вамъ помятаю!
„Хоть - есте въ Клячѣ — гнѣздо намъ розбили
„Претицѣ якосъ мы на свѣтѣ жиёмъ!
„Вамъ за хлѣбъ, хлѣбомъ будемо платили,
„Где прииде прикро, и помощь найдемъ.
„Якъ: „Помагай Богъ!“ Такъ: „Богъ дай здорови!“
„Не мы васъ первше зачепили претицѣ!
„Рыбакъ съ челядковъ служити готови,
„А таковъ ласковъ згордили Вашецѣ!
„За все Вамъ съ лихвовъ отдати готови,
„Хоть ся замкнете въ тѣи твердой скалѣ.
„Теперь идемо! — Бувайте здорови,
„А наившитъ си память на чолѣ!

УЗДОРОВЛЕНЕ.

Тогда недужный поднёсь ся зъ подлоги,
Веселымъ окомъ въ коло подивилъ;
Черствый, здоровый сталъ рѣзко на ноги,
Гейбы руковъ му слабость отдоймилъ!
Уста котрыми выголосать слови?
Якими барвы змалое маляръ?
Якъ свое щастье повиталъ здоровый?
Въ якой утѣсѣ розплылъ ся скотаръ?
Оба съ подяковъ колѣна зигнули
И цѣловаи слѣды Черницевъ ногъ

Зъ савдвѣ богаты дарунки добули
И выкладали рядомъ на облѣгъ. —
Але Инокамъ шлюбы ихъ закону
Забороняють достатки — роскоши:
Тѣла выгоды, и свѣта мамону,
И тлусты стравы — в трунокъ и гроши. —
Зъ тогожь ся гостѣ дуже чудовали,
Же откинули ихъ даръ знакомитый,
Що зъ всѣхъ достатковъ заледво приняли,
Лишь кѣлька пядей поставу на свиты;
И збанъ олюю — торбу сушенины
Зъ шкѣрокъ овечихъ теяли одежны —

Ктожь сподѣвалъ ся, що въ такомъ завзѣтку
Програють справу побѣждени духи? —
Замѣсть пагубы послужать къ пожитку,
И справлять Червцямъ на зиму кожухи?
Такъ уже мали: обхищену хатку,
Достъ поживлѣнья, — выгоды — питья.
На противъ зимы, противъ недостатку:
Всѣо, чого боъче треба до жия.
На тыхъ добыткахъ малыхъ приставали,
Въ нущи щастливи, въ нищетѣ богатѣ:
Чимъ мевше мали, тымъ мевше жадали,
Майже щастливши, якъ въ свѣтлой палатѣ!
По службѣ Божой обѣдъ зъ сушенины,
И що Богъ ще далъ на свупдмъ столѣ
Зѣли съ подяковъ въ половици днины
Жажду гасили въ чистомъ жерелѣ.
Потомъ сѣлиши до дневной роботы
Полетомъ нѣбы шибколетныхъ крыль;
Бо жива вѣра додала охоты,
По каждѣмъ трудѣ ѣтновленныхъ силъ.

Таки початки ихъ житъя въ пустыни,
Нѣмъ збудовали свѣтлый Монастырь.
Тутъ величавой корень деревины,
Въ котронъ тѣни, днесъ ще рускій міръ
Держитъ сохранны праотцѣвъ спустизну,
Бо вже вѣками до неи навикъ :
Милуе Вѣру и любу отчизну,
Звычай родимый, матерный лзыкъ !
А кѣлько разы въ задумцѣ тужливѣй
Недолевъ сцѣпле чувство розяритъ ;
И погадае, — якъ враги страшливи,
Зѣ той деревины обрывали цвѣтъ !
Якъ розложисти галузи, конары,
Що въ поднебесни мовъ сягали хмары,
Отъ пня ѳдтяти въ чужихъ рукахъ звали,
При земли низко голый пень лишали !
Якъ западного завзятость, залуу
Кукѣль вцепила въ отеческу ниву
Щобъ похланувши плодоносни щиты,
И пень и корень съ ошумомъ скрушити :
Сли перегляне всей недолѣ сборъ,
Срѣвнае днешне съ тогдашнимъ въ примѣръ ;
Тогда мимохѣтъ зѣ утисненной груди
Тоскъ ся сердечный въ ти слова добуде :

„Свята простото ! невинна дѣтино !
„Прекрасна дочко изъ лона небесъ !
„Церкви Хрїстовой перва пѣдвалино,
„Що ты Спаситель на землю принесъ !
Ты ! щось уста львомъ крѣпико заградила,
И притушила остріе меча,
Желѣзни брамы пекла побѣдила,
Стерла потугу вражого плеча !
Перейшлась земли, моря и острова,

Въ огонь сѣѣшилась, якъ на вѣсѣля!
Голодъ и зиму и тяжки оковы
И смерть понеслась за Спасителя. —
Щось погорджала и Царски палаты:
Золото, серебро, шовки и пурпуры,
Одѣвши тѣло въ волосяны шаты,
Въ скалѣ пещеру влюбилась надъ муры!
Щось передъ славовъ звучащовъ укрита,
Якъ тиха рѣчка по затѣняхъ плыла,
Притмивши правдовъ мудрость сего свѣта,
Престолы ложныхъ Богѡвъ развалила!
Щось свѣтло правды по земли кѡнчинахъ
Якъ сонце лучи рѣсно рѡсточила,
На скалѣ церковь въ моцныхъ подвалинахъ
Малыми средствами вѣчно заложила!
Щось зъ малоумныхъ творила Реторей,
Словами устъ ихъ мѣръ весь просвѣтила;
Плохимъ въ грудь влила мужество Рыцарей,
Тмы гонителей славно побѣдила!
Гдежъ вѣковъ давнихъ твоя Божа сила?
Вѣнды побѣды где надъ супостаты?
Свята простото! гдѣсь ся нынѣ дѣла!
Въ котрыхъ ты земляхъ подъ солнцемъ шукати?
Ци, где въ пустыняхъ глухихъ пустельники
Богу служили много лѣтъ?
Але тамъ нынѣ птахъ и звѣри дини!
Каждый отъ пуци сторонить!
Цы въ тыхъ пещерахъ, куда любовь Бога
Бѣдныхъ Инокѡвъ занесла?
Идо тыхъ нынѣ вузоѣна дорога
Терномъ и глогомъ заросла!

Ци въ Монастыряхъ , где побожибеть цвила ,
Каждый булъ знаный зъ добрыхъ дѣлъ? —
Але и тамъ давна ревнбсть вже застыла ,
Духъ ся закона измѣнилъ !
Ци въ тѣсной келли , тихоюкъмъ загѣню ,
Где читли Божнхъ книгъ слова ?
Але и тыхъ мѣстце въ новѣмъ поколѣню ,
Занла мудрбсть свѣтова !
Ци въ одежинѣ зъ шерстка тканой саиты ,
Що крила нагбеть грѣшныхъ тѣль ?
Але и тамъ шовки , дороги свиты ,
Чась моднымъ кроємъ въ сукно зышилъ !
Ци въ твердѣмъ ложу зъ каменной плиты ,
Що го крилъ мохъ и листъ сухій ?
И тото нынѣ красно застелити
Служать коверцѣ и пухъ мягкій !
Ци въ той хатинѣ , где зъ четины стрѣха ,
Стѣлъ , лавы — плита — двери — дѣмъ ?
Натомбсть меблѣ съ магоно , — орѣха ;
Въ барвахъ — въ позлѣтцѣ цѣлый дѣмъ !
Ци въ тѣмъ обѣдѣ безъ миски и лижки ,
Що разъ на добу голодъ бралъ ?
Але и тамъ кухаръ выученый зъ книжки ,
Кладе богато тлуемыхъ стравъ !
Ци въ тыхъ потокахъ — въ студеной вершици
Где чистый жажду гасилъ пыль ?
Нынѣ въ ихъ мѣстце вглубоки пивницы
Трѣцать бочками меду , винъ !
Ци въ тихъ сандалахъ плетевыхъ изъ лыка
Що слѣдъ лишали боснхъ пятъ ?
Тамъ красни конѣ , — маювана брыка ,
По гладкимъ бруку , въ чваль гремять ;
Ци въ тыхъ убогихъ , що не хтѣли брати ,
Поклонѣ малецкѣй зъ скотаровныхъ конъ ?

Нынѣ кобъ можна тысячи собрати,
 Заглушить совѣсть мѣди, серебра звукъ!
 Ци въ трудолюбныхъ, що въ душѣ покоры,
 Сббрали въ Церковь цѣлый свѣтъ?
 Нынѣ, хотъ повни наемникѣвъ хоры,
 Не выдасть плодѣвъ пустый цвѣтъ!
 Ци въ святой цютѣ, що якъ Ангель въ плоти,
 Посту, молитвѣвъ стерегла?
 Нынѣ въ выгодахъ и тѣла похоти,
 Сама покусамъ уягла!
 Ци въ вѣрующихъ що передъ ихъ словы,
 Вѣскаль зъ недужныхъ духъ проклять?
 Днесъ му зымъ дѣломъ служити готови,
 Тѣни его ся всѣ боять!

„Свята простого! гдежъ есь ся подѣла?
 „Чимъ надгородимъ жалѣстни утраты?
 „Въ котрыхъ ти земляхъ подъ солнцемъ шукати?

Такъ нашъ Игуменъ дѣтъ минувшихъ згадку,
 Ревно снѣмнувши зъ первого початку,
 Рѣсными слезы бороду скропиль,
 А, же близъ було половны ночи,
 И сонъ дрѣмотовъ клеблъ гостямъ очи,
 На нынѣ свою повѣсть закончилъ!

„И намъ тутъ скучно гостеньку мѣи мильн!
 „Квочка надъ нами, пѣзна вже пора!
 „Холодни кропли росы насъ скропили,
 „Вже гдесъ глубоко вечерня зоря!
 „Ходѣмъ спочити до моеи хатки;
 „А нѣмъ, симъ трудомъ знуженный уяжу,
 „Якъ - емъ Скита тутъ оповѣля початки,
 „Дальшу тамъ долю тыхъ мурѣвъ розкажу,

„Посилакуемъ ся трохи даромъ Божиимъ,
Сян насъ сонъ зломить — на завтра отложимъ!“

Такъ честный старецъ подъ гущевъ въ долини
О Скитѣ повѣсть забвчилъ на нынѣ;
Обѣцалъ далѣи порядкомъ сказати,
И потягъ гостя на ночляхъ до хаты.

КОНЕЦЪ ПОВѢСТИ ПЕРВОЙ.



Примѣчанія.

1. Скитъ Маявскій Розвалимъ колѣсь общежительныя Лавры Чина Святого Василія Великого, въ Староствѣ Галицкомъ, а нынѣ въ окрузѣ Стывславскомъ, у подножья отраслей Бескида, на восточно-южной сторонѣ потока Маявки, впадающаго годяну дороги ниже до рѣки Быстрицѣ. — Основанъ подля вѣроятныхъ преподаній изустныхъ въ другой половинѣ 13го столѣтїя, або може и скорѣйше, — существовать до 1783. года, въ котромъ высочайшимъ повелѣнїемъ Юсифа II. Черны, въ благочестїи несоединенномъ до конца пребывши, Монастырь той опустили и по вежда розйшлися, — сама же видичествена будоця къ запустѣнїю нахилати почала ся.
2. Подгорскя Краина. — Подгорье, зоветь ся часть Стывского, Стывславовекого и Коломыйского округа, протягающая ся отъ границы угорской до Днѣстра.
3. Клива. Многи вершки горъ именууть горяни Кливами; якимъ именькъ сиветь такожъ одна зъ найвыжшихъ горъ при источникахъ Быстрицѣ же же селомъ Пороги зъ Галицкои, а Брустурами зъ Угорской стороны. — Друга менша, але дуже строжа Клива стремить надъ Быстрицею межи селяни: Кричковъ, Яблонковъ и Раковцевъ; отстоить отъ Скита майже мило дороги, въ простомъ протязѣ, на западъ, — а въ ѣи боцѣ снаходять ся къ западу зѣвающїи такъ зовини: „Бруси дери“ яаже 50. сажвей высоко надъ рѣкою, въ сторцолъ спадающей стѣнѣ.
4. Попада, иначе Быстра, або Сивуля, найвыжша зъ горъ, въ ибломѣ насѣ Бескида отъ вершинъ Сяна въ Синоцкїяхъ, ажъ до Черногоры въ Коломыйскомъ. У ѣи подножья починають ся: Доминца найзнатѣйша зъ рѣкъ Подгоря; двѣ Быстрицѣ, котря по ниже Стывселана случаютъ ся; всѣ тїя плывуть къ сѣверю, и въ Днѣстеръ упадають; — на юж-

нѣи сторонѣ мяють при той горѣ свои жерела потоки и рѣчки сплывающіи до Тиссы.

5. Манаїва, село на рѣчцѣ тогожь имени, протягле отъ развалинь Скита, горѣ рѣкою помежи двѣма пасмами верховъ; повмыж села сплывитъ ся славутиный водоспадъ, прывабляющій до себе въ новѣйшихъ часахъ, особливо дѣтною порою богато гостей. Въ сажомъ селѣ существовала до недавна баша сольна, нынѣ залишена; мальовническій крайобразъ того села, и помянутыхъ окрестностей удостоилъ ся киста искуснѣйшихъ живописцевъ, украсившихъ нѣкоторыя нисья повременія польскія.
6. Ватажко, ватагъ, пастыръ овецъ (овчаръ). Си то ватажки суть творцами, або принаймѣ чедными пѣвцами тыхъ пречудесныхъ, ревыхъ идѣлическихъ пѣсней, котри Коломыйскими называемо.
7. Скитець потокъ, зливающій ся отъ восточно-южной стороны въ Манаївку: сбераетъ ся изъ жерель на верховинѣ села Ба б ч е, на граници отъ Бѣтъкова; подоче муры Монастыря, и нынѣ стоить на немъ мость зъ тесаного камня. Его то вода, по преподавию изустному маля переважити воду Киево-печерску.
8. Кроиѣ Монастыря „Скита“ на потоцѣ Скитци, и Церкви Монастырской Воздвиженія Честного Креста, обрѣтавшей ся жежи мурами въ середнѣи стояла по близко притыкающіи съ сѣверномъ вершку, Церковь Вознесениска, а на отлежащемъ далѣи къ южной сторонѣ верху, зовимомъ „Кожюковати“ за садомъ Монастырскимъ, зъ которого ще и нынѣ колымадять деревинъ о половинѣ сухихъ находить ся. — Церковь „Преображенська; при обохъ были сады, — и Келліи Черницею чергою коло тыхъ Церквей стражъ отправляющихъ. — О третой Церковци при жерелатъ Скитци, повѣсти не согласуются, бо не долгое время существовала, вже передъ вѣками запусѣла, едни звать ю „Святыхъ Тройцы“ инни „Пророка Іліи.
9. Блаженный Камень; подля повѣстей, первый притулокъ, Черницею закладающихъ основанія Скита, отдаденъ подъ чверти милѣ отъ муровъ Монастыря, надъ Скитцемъ въ сѣверномъ березѣ: видко въ немъ дѣло природы оброблене трохи руками человекскими.
10. Подробныя имена, басней, предсудовъ и суевѣрїя народного, въ семъ дѣлѣ обрѣтающія ся, або зъ описовъ або самого току розказованія дадутъ ся зрозумѣти и отгадати.
11. Малпу зрѣдища розказываемыхъ дѣланій и крайобразъ самого Скита, при слѣдующихъ частехъ сего пѣснотворенія придучити незалишу; повеже недостатокъ искусныхъ дѣлателей, тутъ приреченіе сіе исполнити, учинилъ миѣ невозможнымъ.

С П И С О К Ъ

именъ и достоинствъ Господиновъ Предплати-
телей на I. Часть Скита Манявского.

Его Превосходительство Метрополитъ и Примасъ Галиціи,
Господиновъ Міханлъ Левицкій.

Его Преосвященство, Епископъ Перемыскій, Господиновъ,
Григорій Яхимовичъ.

Всечест. Докторъ Г. Григорій Гинилевичъ, Крылоша-
нинъ въ Перемышли.

Всечест. Г. Теодоръ Лукашевскій, Крылошанинъ въ Пере-
мышли.

Преч. Міханлъ Брыльскій, Крылошанинъ почести. и Па-
рохъ Старого Села.

Г. Петро Щербинскій, ц. к. побирчій подати въ Ряшовѣ.

Ч. Яковъ Черлючакевичъ, Парохъ Оленичъ.

Ч. Симеонъ Пляшкевичъ, Парохъ Улазова.

Ч. Викторъ Киверовичъ, Парохъ Заполова.

Ч. Феодоръ Гарасимовичъ, Парохъ Дубовець.

Ч. Антоній Бобѣкевичъ, Священникъ

Преч. Корнелій Левицкій, Намѣстникъ Галицкій.

Г. Кѣвльскій, Посадникъ Магистрату Галицкаго.

Ч. Бѣлецкій, Парохъ Тустаня.

Ч. Кѣлбуновскій, Священникъ зъ Пацькова.

Ч. Романовскій Евдоксій, Парохъ Сонова.

- Ч. Янѣковскій, Парохъ зъ Березова.
 Ч Рудеѣскій, Парохъ зъ Княждвора.
 Ч. Кобринскій Јосафатъ, Священникъ зъ Мышыны.
 Ч Кобринскій Јоаниъ, Свящ. зъ Яворова.
 Ч. Каратницкій, Священникъ зъ Стовпчатова.
 Ч. Шлемкевичъ, Священникъ зъ Акришоръ
 Ч. Дрогомирецкій, Священникъ зъ Космача
 Ч. Блоѣскій, Священникъ зъ Садокъ.
 Ч. Колянковскій Свящ зъ Рунгуръ.
 Ч. Бобѣкевичъ Альбинъ зъ Васючина.
 Ч. Михаиъ Рожанковскій, Парохъ Залѣпчикъ.
 Ч. Јоаниъ Раковскій, Пар. Блюдникъ.
 Ч. Ипполитъ Кашубинскій, Пар. Острова.
 Преч Г. Шанковскій, именовъ Деканату Станиславовского
 Г. Коблянскій, Священникъ зъ Нѣмщины
 Г. Левицкій Ипполитъ, зъ Дубы.
 Стефанъ Лукашевичъ, Дякъ зъ Тустаны.
 Ч. Кропивницкій, Парохъ Бучача
 Три ексемпляри по три части изъ Виснича.
 Деканатъ Холоевскій на 12. ексемпляровъ.
 Деканатъ Комареѣскій
 Ч. Јоаниъ Кизима, Священникъ.
 Ч. Питомци Львовского Семинар. 10. Екз.
 Г. Гаврышкевичъ.
 Г. Григорій Чвартацкій.
 Г, Кулачковскій, Ученикъ Гимчазіи.
 Г. Красѣцкій, " "
 Г. Геровскій " "
 Всечест. Г. Докторъ Јоаниъ Илницкій, Профессоръ и Ви-
 церекторъ Семинаріи.
 Г. Завадовскій.
 Деканатъ Бучацкій на 14 ексемп.
 Ч. О. Василяне Бучацкін на 3. ексемп.

- Ч. Левицкій Лука изъ Бельза ,
 Ч. Половій, Священникъ
 Ч. Дуткевичъ изъ Росуль.
 Ч. Величковскій изъ Солотвины.
 Ч. Глиньскій зъ Городниці.
 Ч. Иванъ Копестыньскій.
 Г. Михаилъ Поляньскій
 Г. Климентъ Заржицкій Семинаристъ.
 Г. Антоній Солтыкевичъ.
 Бсечест. Г. Барвънскій, Крылошанинъ.
 Г. Заржыцкій.
 Г. Петро Федоровичъ.
 Преч. Павликовъ, Парохъ зъ Бережанъ и пр.
 Ч. Заруцкій изъ Иванѳвки зъ Скалатського Д.
 Г. Гаврышкевичъ.
 Г. Домчевскій.
 Г. Романъ Ковшевичъ.
 Преч. Антоній Добряньскій, Намѣст. и Парохъ въ Валавѣ
 Ч. М. Лукашевичъ Священникъ зъ Вышатиць
 Ч. Юстинъ Желеховскій, Катихита Гимназіальный въ Пе-
 ремышлн.
 Ч. Мак. Миѣковичъ Сященникъ
 Преч. Жоаннъ Бѣрецкій, Намѣстникъ. и Парохъ Бахурл.
 Ч. Яковъ Досковскій, Свящ. въ Перемышлн.
 Ч. Андрей Карпинскій, Парохъ Загѳря на 4 екз.
 Ч. Скобельскій Жоаннъ, Священникъ.
 Ч. Коновалець Михаилъ, Священикъ.
 Г. Погорецкій Јосифъ. Семинаристъ Перемыскій
 Г. Лециньскій Жоаннъ, Семин. Перем.
 Г. Леонтовичъ Павелъ, Семин. Перем.
 Г. Будзыновскій Людовикъ, Семин. Перем.
 Г. Коссоноцкій Михаилъ, Семин. Перем
 Г. Закршевскій Яковъ, Семин. Перем.

- Г. Гордыньскій Адамъ Семинаристъ Перемьскій.
 Г. Копысьцнйскій Григорій, Семин. Перем.
 Г. Кошалкевичъ Петръ, Семин. Перем
 Г. Коссоноцкій Богданъ, Семин. Перем.
 Г. Волошиновичъ Василій, Семин. Перем.
 Г. Лыскякъ Жоаннъ, Семинаристъ Перем.

